
ОГОНЁК
№ 5 ЯНВАРЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Красноводск. Погрузка хлопка в порту.
Фото Я. Берлинера.

На первой странице обложки: Знатный горновой доменной печи № 7 Магнитогорского металлургического комбината Дмитрий Карпета.

На последней странице обложки: Зима на Магнитогорском металлургическом комбинате.
Фото Дм. Бальтерманца.

№ 5 (1546) 27 ЯНВАРЯ 1957

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕЛИКОЕ ЕДИНСТВО

Большим радостным событием для нашего народа было посещение Советского Союза Правительственной делегацией Китайской Народной Республики во главе с Премьером Государственного Совета и Министром Иностранных Дел КНР Чжоу Энь-лаем. Гости посетили Москву, Иркутск, Омск, Ташкент, побывали на промышленных предприятиях, в колхозах, учебных заведениях.

В результате дружеских, сердечных переговоров, которые происходили между Правительственными делегациями Советского Союза и Китайской Народной Республики, 18 января в Московском Кремле была подписана Совместная Советско-Китайская Декларация. Эта Декларация отражает единую точку зрения обеих сторон в отношении современной международной обстановки и важных международных вопросов.

«Дружба и единство Советского Союза и Китая,— говорится в Декларации,— являются важнейшим фактором великого единства социалистических государств... Факты последних нескольких лет свидетельствуют о том, что великий союз Советского Союза и Китая и нерушимое единство двух стран являются важной опорой мира во всем мире».

На снимке: На приеме в Посольстве Китайской Народной Республики в Москве.

Фото Дм. Бальтерманца

ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЙ: — РАЗРЕШИТЕ МНЕ ЗДЕСЬ ЗАРАНЕЕ ПРОВОЗГЛАСИТЬ ТОСТ ЗА 40-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

С 11 по 17 января Правительственная делегация КНР посетила Польшу и Венгрию.

— Наш визит,— сказал товарищ Чжоу Энь-лай,— еще раз подтвердил наше непоколебимое убеждение в том, что единство социалистических стран, основанное на принципе равенства наций и пролетарского интернационализма, непоколебимо...

18 января китайская делегация из Москвы направилась на родину.

Во время пребывания в Польше китайские гости нанесли визит Председателю Государственного Совета Польской Народной Республики А. Завадскому. Слева направо: А. Завадский, Чжоу Энь-лай, В. Гомулка, Хэ Лун, Ю. Циранкевич.

Премьер Государственного Совета КНР Чжоу Энь-лай и Председатель Венгерского Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства Янош Кадар подписывают венгерско-китайское коммюнике о переговорах.

Незадолго до посещения Советского Союза Премьер Государственного Совета КНР Чжоу Энь-лай и заместитель премьера Государственного Совета Хэ Лун побывали в Индии. На снимке: 1 января Чжоу Энь-лай прощается с Премьер-министром Индии Неру перед отлетом в Пекин.

ВЕНГЕРСКИЕ БУДНИ

Пережившая трагедию контрреволюционного мятежа народная Венгрия снова живет мирной трудовой жизнью. Набирает силы венгерская промышленность, идет бойкая торговля в магазинах, по улицам венгерских городов бегут в школу веселые дети. Эти фотографии рассказывают о сегодняшнем дне Венгерской Народной Республики.

Фото Венгерского телеграфного агентства.

Будапешт, январь. На улице Надь Кёрут.

После трехмесячного перерыва начались занятия в школах. У входа в одну из женских гимназий Будапешта.

В угольной промышленности Венгрии ощущается нехватка рабочей силы. Чтобы обеспечить страну углем, на шахты идут люди других профессий. Этот снимок сделан в конторе по приему рабочих в Татабаньи. С просьбой направить их в шахты пришли Антал Либлейн, Иштван Кишш и его брат Дьердь Кишш. Раньше они работали на алюминиевом заводе в Татабаньи.

Развертывают свою деятельность ремесленники, которым государство выдает разрешения на организацию мастерских. Такое разрешение от шестого района Будапешта получил недавно электромонтер Эрвин Рона. Вот он прибивает свою вывеску.

ПОБЕДА НАРОДНЫХ СИЛ

Празднично выглядела Варшава в воскресенье 20 января. До рассвета еще далеко, а на ярко освещенных улицах, украшенных флагами, плакатами, транспарантами, народу становится все больше. Мужчины и женщины, старики и молодежь спешили на избирательные участки. В районе Жолибож люди к участку № 304 начали подходить с 5 часов утра. Точно в назначенный срок председатель комиссии железнодорожник Антоний Марчак гостеприимно раскрывает двери и приглашает собравшихся исполнить свой гражданский долг. Бюллетени выдаются быстро и организованно. Многие опускают их в урну, не заходя в кабины. Поток избирателей не иссякал весь день.

Повсюду в стране, в городах и селах, избиратели дружно отдавали свои голоса за кандидатов Фронта единства народа. Выборы проходили в атмосфере спокойствия и порядка. Тщетны были надежды международной реакции. Напрасно метались по избирательным участкам в поисках «сенсации» журналисты буржуазных газет и агентств, которых прибыло сюда около ста человек. Народ спокойно и уверенно голосовал за свое лучшее будущее, за социализм.

И вот итоги выборов подведены. В голосовании приняло участие 94,14 процента избирателей. За Фронт единства народа отдали свои голоса 98,4 процента участвующих в выборах. Эти итоги говорят о внушительной победе народных сил, о высоком авторитете Польской объединенной рабочей партии в массах.

У. ЖУКОВИН,
А. ЛУКОВЕЦ

Варшава (по телефону),
[illegible] января

Голосуют жители 4-го округа города Бытома — [illegible] металлургического завода «Бобрек». Крайний [illegible] — литейщик Пиотр Махета

Бюллетени для голосования получают жители села М[illegible] [illegible]ского воеводства, Анна [illegible]имковска и Юзефа Г[illegible]

У избирательной урны — группа студенток из общежития на улице Копинской в Варшаве.

Фото ЦАФ.

НАЦИ В НАТО

В западной печати сообщалось, что гитлеровский палач генерал-лейтенант Шпейдель, прославившийся в свое время кровавыми деяниями во Франции и на Украине, будет назначен командующим сухопутными войсками НАТО в Центральной Европе.

В беседе с корреспондентом «Огонька» генеральный секретарь Национальной ассоциации бывших борцов движения Сопротивления во Франции Шарль Фурнье-Боке заявил:

— Сообщение о том, что гитлеровского генерала Ганса Шпейделя в недалеком будущем хотят назначить командующим сухопутными вооруженными силами НАТО в Центральной Европе, вызвало глубокое возмущение среди бывших борцов Сопротивления во Франции. Шпейдель в июне 1940 года участвовал во вторжении немецко-фашистских войск во Францию. Вскоре он стал начальником штаба немецких оккупационных войск во Франции. Пребывание Шпейделя на этом посту ознаменовано террористическими воздушными налетами на Лондон и Ковентри, а в самой Франции — жестокими преследованиями и кровавыми репрессиями против французских патриотов. В его ежемесячном отчете верховному командованию фашистского вермахта, помеченном 28 февраля 1942 года, можно найти подробный перечень карательных мер, принятых против французских партизан: «25 расстреляно в Руане; 15 — в Туре; арестовано 70 человек в Обуэ; еще одна группа арестованных в Бресте...»

И вот теперь Шпейдель снова ждет высокого назначения... Уже 8 января, как только появились первые сведения об этом, наша Ассоциация оповестила французскую общественность. Национальный комитет связи, объединяющий 43 организации, то есть почти всех бывших французских партизан, решил присоединиться к нашей кампании протеста и обратиться к министру иностранных дел Франции Кристиану Пино, чтобы напомнить ему о его долге француза и бывшего репатриированного.

Французские борцы Сопротивления требуют, чтобы французское правительство со всей серьезностью проявило в этом вопросе свою ответственность. Они призывают всех французов встать на защиту достоинства и независимости своей родины.

Париж (по телефону).

Генерал Шпейдель (о[illegible]ывая французских со[illegible]):
— Позвол[illegible]те, но эт[illegible] парня я, [illegible]ется, прика[illegible] рас[illegible]трелять еще в 1942 г[illegible]ду!
— Это, видно, [illegible] отец, [illegible].

[illegible] газеты [illegible] (ГДР).

РАСПРАВЫ В АЛЖИРЕ

В алжирском городе Оране французская полиция устроила облаву на жителей. Восемьдесят алжирцев было арестовано.

На снимке: арестованные алжирцы ожидают допроса полиции.

Фото [illegible] газеты «Унита».

На Кипре

Выпал снег в горах Кипра. Но и в это холодное время года не угасает пламя национально-освободительной борьбы. В ответ оккупанты устраивают настоящую охоту за кипрскими патриотами. На снимке вы видите патруль Суффолкского полка, прочесывающий участок леса.

Письмо читателя

СМОЛЕНСК—ДЕЛИ

В журнале «Огонек» № 49 за декабрь 1953 года на последней странице обложки был помещен цветной фотопортрет индийской танцовщицы и общественного деятеля Индрани Рахман. Жительница города Смоленска, домашняя хозяйка Мария Васильевна Анисимова решила вышить гладью этот портрет. Полгода вышивала Мария Васильевна, подбирая цвета, добиваясь портретного сходства.

И вот портрет Индрани Рахман экспонировался на Смоленской областной выставке самодеятельного изобразительного и прикладного искусства, организованной Смоленским областным домом народного творчества.

Учитывая просьбы посетителей выставки, а также желание самой М. В. Анисимовой, Смоленский областной дом народного творчества в знак уважения и братских чувств к великому индийскому народу направил через Всесоюзное общество культурной связи с заграницей в подарок Индрани Рахман ее портрет.

15 ноября прошлого года в Дели состоялся благотворительный концерт известной индийской танцовщицы, на котором присутствовало свыше тысячи человек. На этом вечере представители советской делегации на конференции ЮНЕСКО вручили индийской актрисе подарок, присланный из Смоленска.

На снимке, полученном из Дели, запечатлен момент, когда советская делегация вручает Индрани Рахман ее портрет.

В. МЕЛЬНИКОВ,
директор Смоленского областного дома народного творчества.

К НОВЫМ УСПЕХАМ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Замечательные успехи одержали в первом году шестой пятилетки труженики социалистических полей. Вдохновленные мудрыми решениями XX съезда КПСС, они значительно увеличили производство продукции земледелия и животноводства. Особенно отрадны достижения в зерновом хозяйстве восточных районов страны, где за три года было поднято 35,5 миллиона гектаров целины и залежи. Всего в закрома государства было засыпано, не считая зачетов и замены другими продуктами, свыше 3,3 миллиарда пудов хлеба — на миллиард с лишним больше, чем в прошлые годы.

Центральный Комитет Коммунистической партии и Совет Министров Союза ССР в Обращении к работникам сельского хозяйства подвели итоги героического труда советских людей, поставили перед тружениками деревни новые задачи, которые предстоит решить в 1957 году.

Республики, области и края нашей страны в связи с успехами в сельском хозяйстве отмечены правительственными наградами, награждены и особо отличившиеся передовики всенародной борьбы за крутой подъем земледелия и животноводства. Вручение наград в республиканских, краевых и областных центрах превращается в подлинный народный праздник, порождает новую волну социалистического соревнования за выполнение наказа XX съезда КПСС — создать изобилие всех предметов широкого потребления.

Совместное заседание Верховного Совета Таджикской ССР, Совета Министров и ЦК КП Таджикистана было посвящено вручению республике ордена Ленина.

На снимке: Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин вручает орден Ленина.

Фото А. Устинова. (Фототелеграф)

В президиуме торжественного заседания Верховного Совета Туркменской ССР, Центрального Комитета КП Туркменистана и Совета Министров Туркменской ССР, посвященного вручению республике ордена Ленина.

На снимке: член Президиума ЦК КПСС, Первый Заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян вручает орден Ленина.

Фото В. Дунина. (Фототелеграф)

Во время пребывания в Воронежской области член Президиума ЦК КПСС, Первый Заместитель Председателя Совета Министров СССР В. М. Молотов посетил колхозы имени Хрущева и имени Молотова, Семилукского района.

На снимке: В. М. Молотов на квартире звеньевой колхоза имени Молотова Н. С. Насоновой. Слева направо — звеньевые М. П. Горлова, депутат Верховного Совета РСФСР П. А. Пустовалова, В. М. Молотов, Н. С. Насонова, секретарь обкома КПСС А. М. Школьников.

Фото А. Зенина (ТАСС).

Орден Ленина Красноярскому краю и награды передовикам сельского хозяйства в Красноярске вручал член Президиума ЦК КПСС, Первый Заместитель Председателя Совета Министров СССР Л. М. Каганович.

На снимке: Л. М. Каганович выступает на митинге у здания аэровокзала.

Фото Ю. Бармина (ТАСС).

Член Президиума ЦК КПСС, секретарь Центрального Комитета КПСС М. А. Суслов вручил Саратовской области орден Ленина. Передовикам сельского хозяйства области были вручены медали Героев Социалистического Труда и ордена.

На снимке: М. А. Суслов вручает орден Ленина и золотую медаль «Серп и молот» бригадиру тракторной бригады совхоза «Восточный» И. П. Меденцеву.

Фото Е. Ильина.

Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев вручает секретарю Омского обкома КПСС Е. П. Колущинскому орден Ленина, которым награждена Омская область.

Фото Э. Савина.

Испытание тепловоза ТЭ-7

На Октябрьской железной дороге происходит испытание первого советского скоростного пассажирского тепловоза ТЭ-7, построенного на Харьковском заводе. Недавно состоялся опытный пробег тепловоза с полным пассажирским составом из 16 цельнометаллических вагонов весом около тысячи тонн.

Расстояние от Ленинграда до Москвы (651 километр) поезд прошел за 8 часов 14 минут. Он останавливался лишь один раз, на станции Бологое.

На отдельных участках пути тепловоз развивал скорость в 120—130 километров в час, а во время обратного рейса из Москвы в Ленинград — в 140 километров.

Испытания нового тепловоза будут продолжены.

Ф. ПИНЧУК

Тепловоз ТЭ-7 с пассажирским составом перед отправлением из Ленинграда.

ПРИМЕР, ДОСТОЙНЫЙ ПОДРАЖАНИЯ

Когда Михаил Николаевич Радин поселился в квартире по улице Заньковецкой, № 7, она не казалась ему большой. Впрочем, так оно и было. В то время все члены семьи Радиных жили вместе, и трех комнат едва на всех хватало: люди взрослые, каждому нужен свой уголок. Но годы шли. Дочь Юлия окончила университет и, получив назначение, уехала в Шепетовку. Она преподает в техникуме и у родителей в Киеве появляется теперь лишь в дни каникул. Сын Владимир окончил военную школу, лейтенант, служит за пределами Киева, изредка приезжая на побывку. Сам Михаил Николаевич теперь полковник запаса. Он уже в летах, но к покою не стремится, ведет большую партийную и общественную работу. В доме хозяйничает его жена Галина Николаевна.

Когда дети разъехались, Михаил Николаевич и Галина Николаевна остались вдвоем. Можно было, конечно, жить так же, как прежде, без соседей, в уютной отдельной квартире. Но Радины решили иначе. Ведь в Киеве есть люди, нуждающиеся в жилой площади. Галина Николаевна рассудила, что ей с мужем можно потесниться. И вот в исполком Ленинского райсовета города Киева коммунист Радин принес короткое заявление, в котором написал, что хочет передать в распоряжение райисполкома одну комнату площадью в 13,6 кв. метра и просит предоставить эту комнату человеку, нуждающемуся в жилой площади.

Вскоре Михаил Николаевич смог познакомить нас со своей соседкой. Это была Анастасия Антоновна Беззубенко, женщина уже немолодая, работница одной из киевских гостиниц. Анастасия Антоновна сказала, что она очень довольна переездом и что новое жилье ее очень радует.

— Сделано еще не все! — пошутил Радин.— Из комнаты Анастасии Антоновны должна быть дверь в коридор. Но мы сообща согласились, что «капитальным строительством» лучше заняться весной.

В. ШУМОВ

Слева направо: Михаил Николаевич Радин, его жена Галина Николаевна и А. А. Беззубенко.

Фото Н. [illegible]

МАГНИТОГОРСКИЕ ВСТРЕЧИ

А. СТАРКОВ

Фото Дм. Бальтерманца

1. Отец и сын

На здании заводоуправления — мемориальная доска: «Здесь работал с 1939 по 1951 г. выдающийся советский металлург Носов Григорий Иванович».

Григорий Иванович Носов был полгода главным инженером и без малого двенадцать лет директором Магнитогорского металлургического комбината, отмечающего в эти дни свой четвертьвековой юбилей. Как же не помянуть добрым словом человека, который почти половину этого срока вел «Магнитку»!

Нам рассказывали о нем самые разные люди: его земляк, вместе с которым росли они в маленьком южноуральском рабочем поселке Катав-Ивановске, вместе слесарничали на тамошнем старинном, еще Демидовым поставленном чугунолитейном заводишке, вместе сколачивали первую комсомольскую ячейку; однокашники его по рабфаку и институту; сталевар-пенсионер, у которого был он когда-то подручным во время студенческой практики на Белорецком заводе; инженер, помнящий его мастером, начальником смены, начальником мартеновского цеха на Кузнецком комбинате. И, конечно же, многие из тех, кто работал с ним здесь, в Магнитогорске.

Рассказывал сын...

Перелистывая подшивку заводской многотиражки, я несколько раз встречал фамилию Дмитрия Носова, сталевара, который то провел скоростную плавку, то выдал металл сверх плана. Я не знал тогда, что это сын покойного директора.

Как-то я шел по длинной узкой галерее, связывающей мартеновский цех № 1-а с его конторой. Навстречу попалась шумная группа сталеваров и их подручных, возвращавшихся, видно, из столовой. Когда они проходили мимо, я обратил внимание на очень высокого длиннорукого юношу, который шел, сутулясь и нагнув голову, чтобы не задеть верхних балок галереи. На нем были коричневая, не раз пожженная, но аккуратно заштопанная фуфайка и короткие, явно не по росту брюки, тоже не единожды познавшие огонь. На голове приплюснутая кепчонка, к козырьку которой прилажены темные очки. Лицо юноши показалось мне знакомым. Я стал вспоминать и вспомнил, что видел его минувшим летом в Москве, на всесоюзной спартакиаде. Он играл в сборной волейбольной команде РСФСР и даже был ее капитаном... Позже, когда мы познакомились, выяснилось, что Дима Носов — мастер спорта, выступал неоднократно и за сборную Союза, ездил с ней за границу.

Мы сидели в номере, и Дима неторопливо рассказывал об отце. Тут же находился мой спутник — фотокорреспондент, встречавшийся когда-то с директором Носовым хорошо знавший его. После того как Дима ушел, товарищ сказал:

— Слушая этого парня, я закрывал глаза, и казалось, что говорит Григорий Иванович. Голос, интонации, даже речевые ошибки точно такие же, как у отца...

А я, слушая Димин рассказ, старался представить себе большого, грузного человека, постоянно занятого, сосредоточенного на каких-то деловых мыслях, редко одаривающего сыновей улыбкой, да и вообще видящегося с ними, пожалуй, только раз в неделю, в воскресенье, потому что в остальные дни он уезжает на завод, когда ребята еще спят, а возвращается, когда они уже спят. Но зато воскресенье, как правило, — их день, их праздник!

Воскресенье — это ночная рыбалка с отцом на речушке, полной форели. Или охота на сибирскую косулю. Или экскурсия на завод. Вот это — самое большое удовольствие, какое бывает в воскресенье. За завтраком отец говорит как бы между прочим: «Что-то давненько не были мы с вами...» И уже не надо добавлять, где они не были. Собираются вмиг. Мать ворчит: «И в выходной на завод... Дома не сидится...» А он оправдывается: «Это я ради ребят...» «Знаю, знаю, — говорит она. — Просто у тебя дело в каком-нибудь цехе». И мать не так уж далека от истины.

Маршрут обычный: в доменный, в мартеновский, потом в прокатный. С отцом везде интересно, а особенно в мартене. Он ведь сам сталеплавильщик. Знает, понятно, и домну и блюминг, но здесь, в мартене, он все перепробовал собственными руками, все умеет: и шихту завалить в печь, и пробу взять, и лётку пробить. Начинал-то с подручных... Мать говорит, что в молодости он вечно ходил в ожогах, а на лбу всегда багровела шишка. Он ее набивал, бегая то и дело в экспресс-лабораторию. Там была низкая дверь, и он каждый раз, забывая впопыхах нагнуться, стукался о притолоку. А чего было так часто бегать в лабораторию? Сделают анализ — сообщат. Нет, не терпелось. Беспокойный был характер.

Мы невольно улыбаемся, слушая, как Дима рассказывает об этом: у него тоже на лбу шишка. И происхождение ее, судя по всему, такое же. Видать, во всех экспресс-лабораториях мартеновских цехов двери низкие. Не рассчитаны они почему-то на высоких людей с беспокойными характерами.

Мартен входил в Димину жизнь с малых лет. В Сталинске их дом стоял на горушке напротив цеха, и окна квартиры глядели прямо на печи. Димка любил, лежа на подоконнике, наблюдать за дымящими трубами. И это не были праздные наблюдения шестилетнего дилетанта. Он вел их как вполне образованный специалист-мартенщик. Когда рыжеватые султаны дыма сгущались, темнели, становились черными, Димка знал, что это непорядок. Он не восторгался красными факелами, вырывавшимися внезапно из труб. Зрелище, может быть, и красивое, но не для человека, который разбирается в металлургии! Такой факел — результат чьей-то оплошности. Газ тратится зря, уходит в трубу... Однажды, увидев, как пламя забило сразу изо всех труб, Димка не выдержал, подбежал к телефону и позвонил отцу в цех. А у того шло как раз производственное совещание, и Димкино сообщение было тут же использовано как свежее доказательство нерадивой работы отдельных товарищей.

К восьмому или девятому классу твердо определилось: в металлургию! Специального разговора об этом с отцом не было. Решение пришло без нажима со стороны отца. Он вообще не любил ни наставлений, ни нравоучений. Только один раз, когда Димка схватил двойку по черчению, сказал:

— За мою широкую директорскую спину прятаться тебе не позволю. Как только сделаешь такую попытку, отойду в сторону, выставив тебя голым перед всеми людьми... Имей это в виду.

Сказано было сурово, и Дима знал, что отец, сын кузнеца, всего добившийся трудом, пóтом, сдержит, если потребуется, эту свою угрозу.

Двойка была первой и последней. Он окончил школу чуть-чуть не с медалью, а экзамены в институт сдал с высоким баллом. До начала занятий оставалось вре-

мя, и отец взял Диму в поездку к геологам. Григорий Иванович часто ездил и летал к разведчикам руды и горючего газа. Директора «Магнитки» заботило будущее комбината, его сырьевая и топливная базы. На этот раз побывали на Аяте, впадающем в Тобол, у Джаты-горы, в Ишимбаеве. Средствами передвижения были не только самолет и автомобиль, но и телега, и просто конь с седлом, и, что еще проще, ноги, обутые в болотные сапоги и способные пройти там, где нет конской тропы. В горах, в лесу, в степи с отцом было так же интересно, как в цехе. Он понимал и любил природу. Разбирался в птичьих голосах и умел подражать им. Знал, почему заяц-русак живет только на западных склонах Урала, а беляк — только на восточных: и тот и другой боятся перейти через хребет, их пугают холода на вершинах. Мечтал о том, чтобы все-таки развести на магнитогорской земле трудно прививавшиеся там дубки...

Отец задержался у геологов, а Диме пора было возвращаться. Начинались занятия. Институт был тут же, в Магнитогорске. Он назывался: горно-металлургический. А через год к этому названию прибавилось: имени Г. И. Носова... Григорий Иванович умер сорока шести лет. Кровоизлияние в мозг. Вся «Магнитка» хоронила своего директора...

Среди преподавателей института и работников заводов, где Диме доводилось проходить студенческую практику, было немало людей, знавших Григория Ивановича. И, естественно, они имели возможность сравнивать отца и сына. Внешние данные Носовых — рост, походка, голос — были совершенно одинаковы. И лица были схожи... Приехав практикантом на Кузнецкий комбинат и разыскивая начальника мартеновского цеха, Дима забрел в диспетчерскую. Сидевший там старый обер-мастер, взглянув на вошедшего, вскочил, уставился на него в упор, потом закрыл глаза и несколько раз мотнул головой, как бы стряхивая с себя сон. «Господи, да это ж Григорий Иваныч,— сказал старик.— А коль не он, покойный, то сын его али брат...»

«Сын»,— сказал Дима. И потом, во все дни практики, обер-мастер не раз останавливался около Димы и, покачивая головой, говорил: «Ну и ну! Здорово ж тебя слепили в батьку...»

Вот как они были схожи внешне! А внутренне? Характерами?

Во всяком случае после окончания института они вели себя примерно одинаково. С той только разницей, что Носов-старший, согласившись сперва на аспирантуру, покинул ее через полгода, уйдя в цех, а младший сделал это сразу. Он отверг два заманчивых предложения: одно от дирекции Магнитогорского института, другое из Свердловского. И там и тут в нем были заинтересованы не только как в аспиранте, но и как в мастере спорта, отличном волейболисте... В обоих институтах ему предлагали все условия для научной работы на кафедре. Но у Дмитрия был уже свой взгляд на научную работу. Он, как и отец, считал, что металлург должен начинать ее не на кафедре, не в лаборатории, а у печей. Так начинали Байков, Грум-Гржимайло, Павлов. Наука от этого только выиграла.

Итак, в цех!

И снова тут были люди, знавшие отца.

Был Константин Никифорович Беликов, начальник цеха, еще в тридцатых годах работавший с Григорием Ивановичем на Кузнецком комбинате, вместе с ним участвовавший в знаменитом споре с мистером Веллом. Американец консультировал наших сталеплавильщиков при пуске первых мартеновских печей. Мистер Велл был «бог, маг и чародей», каждое слово которого ловилось, что называется, с уст. И он действительно много знал и приносил немалую пользу. Но вдруг против Велла восстал молодой, неопытный, недавно защитивший диплом инженер Носов. Он заявил, что мистер Велл не прав, требуя чистки подин (подина — это дно печной ванны, в которой варится металл) после каждой плавки. Что это совершенно ни к чему, не вызвано никакой технической необходимостью и представляет собой зряшную трату времени. При нормальной работе печи подину нужно чистить по определенному графику, не чаще двух раз в неделю. Сейчас это — правило, принятое на всех металлургических заводах, а тогда звучало как невероятное откровение... На стороне мистера Велла был непререкаемый авторитет, на стороне «мистера Носова» и его товарищей — смелость, которая и победила.

Но вот в вопросе о том, как чистить подину, Григорий Носов, ставший уже начальником цеха, решительно поддержал мистера Велла. На дне ванны образуются углубления, ямы, в которых накапливается металл. Его нужно удалить, а ямы заделать магнезитовым порошком. Металл удалялся так. Брали тяжеленную длинную металлическую штангу с деревянным бруском на конце, вводили в печь, и трое — четверо подручных раскачивали ее, проталкивая сгустки металла к лётке, выпускному отверстию. Это так и называлось: «качать яму». Утомительный, изматывающий труд! Американец предложил выдувать накопившийся металл с помощью сжатого воздуха. Потребовались затраты на оборудование, но игра стоила свеч...

Приехав в Магнитогорск, Григорий Иванович и здесь решил ввести этот новый способ. Сейчас не заставишь людей «качать яму». А в то время обер-мастера встретили директорскую новинку в штыки. Тем более, что на первых порах не ладилось с трубами, со шлангами. Куда проще взять штангу, брусок и давай «качать» под «эй, ухнем». Тяжело, в пот вгоняет, зато верняк... Придя однажды на работу, обер-мастера обнаружили, что нет ни штанг, ни брусков. Ночью по распоряжению директора все штанги были отправлены в переплавку, а бруски сожжены. Поневоле пришлось пользоваться сжатым воздухом.

Это хорошо помнит Михаил Георгиевич Нечкин, которого как раз в ту пору директор Носов выдвинул из сталеваров и фамилию которого Дима Носов неоднократно слышал от отца. Нечкин — замечательный знаток печей. А такие не столь уж часто встречаются среди сталеплавильщиков. Самим процессом плавки, технологией ее многие владеют мастерски. А вот печь, как таковую, со всеми ее особенностями, капризами и нуждами, знают не все. В мартеновской печи больше секретов, чем, скажем, в доменной. Про домну академик Михаил Александрович Павлов сказал както: «В домне ничего не видно, но уже многое ясно». В мартене наоборот: все видно, но многое еще неясно. Ремонт той же подины — настолько, к примеру, тонкое, не имеющее почти никакой рецептуры дело, что доверяется в огромном цехе лишь двум специалистам. Один из них — Нечкин. И Дима Носов с первого же дня тенью ходил по пятам Нечкина, присматриваясь к его действиям, прислушиваясь к распоряжениям, которые тот отдавал своим помощникам. Но ходить за ним по пятам Дима мог только в свободное, неурочное время, потому что был назначен штатным третьим подручным. А дел у третьего невпроворот: прибери рабочую площадку, обдуй свод, подсоби второму подручному, который, в свою очередь, помогает первому, отвечающему за лётку, за выпуск стали... Больше всего Дима боялся «скидки на отца», которую ему могли сделать, но, чему он был очень рад, не делали.

Обязательно ли дипломированному инженеру начинать с третьего, второго, первого подручного, со сталевара? Дмитрий Носов считает, что обязательно. И вы его не переубедите. Разве узнал бы он столько за это короткое время, если б не поднимался по ступенькам трудовой лестницы? По каким книгам, на каких лекциях научился бы он сушить лётку? А где приобрел бы «чутье на металл», умение по каким-то неуловимым признакам определять, «холодный» он или «горячий»? Или на слух, по гудению печи, следить за движением газа? Можно спросить: зачем это? Ведь есть приборы. Мартенщики говорят: на приборы надейся, а сам не плошай...

Жаль, что в первых подручных ему так и не удалось побывать. Только поставили первым на «двадцать седьмую» — авария! По вине сталевара чугун, залитый в печь, перехлестнул через порог и хлынул на рабочую площадку. Сталевара, у которого это была уже третья авария, перевели в подручные на другую печь. А Дмитрия Носова — в сталевары. Так совершенно неожиданно для себя он остался, как ему показалось, один на один с печью. Но это чувство, что ты один, держалось в нем недолго. Рядом был мастер, который при первой Диминой оплошности — он засыпал лётку доломитом — весело махнул рукой: бывает, мол, с каждым. И Дима оценил это... Стояли рядом и подручные, которые практически были опытней его, но деликатно ничем не выказывали этого своего превосходства. Они помогали ему. Но и Дима не выказывал своего превосходства в знаниях. Делился ими... И это была тоже очень важная школа, которую проходил молодой инженер: школа человеческих отношений!

В сталеварах он без малого год. Печь № 27 получила переходящее знамя за скоростные плавки, за перевыполнение плана. На праздничной демонстрации бригадир «двадцать седьмой» шел с этим знаменем впереди колонны сталеплавильщиков. Дима шел перед трибуной, на которой прежде стоял обычно его отец, директор «Магнитки» Григорий Иванович Носов. И если б он и сейчас стоял на трибуне, то при всей своей сдержанности, наверно, улыбнулся бы знаменосцу сталевару Дмитрию Носову.

2. Бессрочный паспорт

— Ну, поглядели на нашу работу в натуральном виде? — спросил меня старший горновой Дмитрий Карпета после того, как я побывал в доменном цехе.— Поняли теперь, что такое горновой? Вроде повивальной бабки... В печи созревает металл, и я должен открыть ему дорогу, обеспечить нормальные роды. А ребенок го-

Сталевар Дмитрий Носов

Ветераны «Магнитки», участники пуска первой домны (слева направо): И. Я. Овсянников, М. А. Тюкин, М. С. Лаптев, Н. И. Савичев, Г. И. Герасимов и И. Д. Лычак.

ряченький! Огненная, рисковая у нас профессия. Но я ее люблю, уважаю. У какого-нибудь тихого дела, у тисочков, я бы, наверно, скис. А тут мне все по нутру, по нраву.

В доменный я еще до войны определился, но доменщиком тогда не стал. Молоденький был, дурной, не имел правильного понятия о жизни. Дружили мы с Колькой Тыртышным, еще в ремесленном сошлись. И в цехе держались вместе, хотя был он в четвертых горновых, а я в подручных канавщика. Вот с этим Колькой и приткнулись мы к лихой компании. Картишки, водка, шальные денежки... Понравилось! Работу мы с Тыртышным бросили. Пришел я пьяный домой раз, другой, третий. Мать с упреками. Тогда я и вовсе перестал дома ночевать... Пошли приводы в милицию, протоколы. Вот уже, глядишь, и известная личность во всех отделениях! Клички «Джим», «Цыган» и еще какие-то. Побывал в КПЗ — в камере предварительного заключения. А когда переводили в тюрьму, бежали мы с одним дружком из тюремной бани, все белье побросав, нагишом. Благо, время было ночное, темное. Добрались в чем мать родила до знакомого нам домишки, приоделись и давай опять пошаливать. А через месяц снова я попался. Судили. Мать пришла на суд, люди из цеха. Сейчас вот вспоминаю, стыдно за себя, тогдашнего. А тогда я гоголем держался, судье грубил, на заводских с гордецой поглядывал. Вон, мол, какой я герой! И даже мамашины слезы не тронули меня... Дали год. Отсидел, вышел, и неизвестно, как бы моя судьба повернулась. Дурь-то еще не вся вылетела из головы. Но тут война, повестка из военкомата.

Первое время я и в запасном танковом полку кочевряжился. Всех, как полагается, остригли, а я не желал расставаться со своей чуприной. Наряд за нарядом вне очереди—картошку чистить, уборные мыть,— а я не сдаюсь. Старшина маялся, маялся со мной, надоело ему. Взял ночью, пока я спал, ножницы и выстриг с боков да посередке полшевелюры. Утром просыпаюсь — хохот. А я не привык, чтобы надо мной смеялись. Обозлился. Но первый раз в жизни разозлился не на людей, а на себя. Что я, в дровах, под забором найденный, что ли? Чем я хуже других? Так и буду волынку тянуть? Пошел к полковому парикмахеру, обрился наголо и являюсь на занятия чинный, благородный... Подошла очередь и нашему полку в бой. Приняли новенькие «Т-34» и двинулись к фронту. Я командиром орудия.

Что вам сказать про войну? Тут надо или очень долго или совсем коротко. Я коротко. Воевал в Польше. Потом в Восточной Пруссии. Кенигсберг брал. Слышали, конечно, какое там было пекло? Нам машину подбили, катки снарядом разиесло. На покалеченном, недвижном танке мы сутки держали переправу. За тот бой я «Красную Звезду» получил... Изменила меня война, всю душу перевернула. Видел я смерть товарищей. Видел дружбу, настоящую, неподдельную, в карты не разыгранную.

В полку знали, что я из Магнитогорска. Как передадут по радио о «Магнитке», ребята ко мне: «Опять про твой завод...» Слово это «твой» резало мне сердце. Какой же он мой, коль я бежал с этого завода!.. А тут еще в дивизионной газете напечатали: «Сержант Карпета до войны варил металл, а теперь бьет им врага». Да, нечего говорить, много металлу «наварил» Карпета! Лежу ночью без сна, кляну себя и ругаю за неправильную жизнь, какую прежде вел. Тысячу раз обещаю себе, возвратившись домой, все повести по-иному, по-новому...

А вернулся — боязно. Боязно идти в завод. Там люди, которые помнят меня отпетым парнем. Как взглянут? Вот в милиции капитан Зарощенский, выдавая мне бессрочный паспорт, и виду не показал, что помнит «Цыгана». Протянул документ и руку пожал. Может, и на заводе так? А может быть, косо посмотрят. Раз пять подходил я к отделу кадров, а зайти не решался. Нанялся в пригородный совхоз, в полеводческую бригаду. Но какой из меня полевод? Сезон отработал — взял расчет.

Сидим как-то с братом в кино. Сеанс еще не начался, люди рассаживаются. Вдруг Василий говорит: «Смотри, Митя, дружок твой Тыртышный...» У меня внутри будто оборвалось что. Тыртышный здесь... Каков он? Что у него нынче на душе? Покончил с прошлым или по прежней дорожке катит? Смотрю на экран, а в голове у меня Колька Тыртышный. Встретились у выхода из кино. Стоим, а сказать чего друг другу, не знаем. Вижу, он пальтишко незаметно расстегнул, чтобы медали показать. И я свое нараспашку. Фронтовики! Был он тоже в танкистах, кончал войну в Праге. А сейчас горновым на пятой печи. «Ты — спрашивает,— давно демобилизовался?» «Только что»,— говорю, хотя уже с полгода дома. «Ну, тогда давай к нам, у нас места есть».

Утром я в отдел кадров. И надо же нарваться на бдительную девицу в прыщах. Минут пятнадцать разглядывала мой паспорт. И так его вертела и этак, и справа налево листала и слева направо. То в документ уткнется, то на меня уставится. Не выдержал я, вскипел. «Давайте,— говорю,— паспорт обратно! Не желаю, чтобы вы его салили своими жирными пальчиками. Он у меня, между прочим, бессрочный. Не приметили?»

В тот же день подал заявление на шоферские курсы. Приняли. Но не входила в меня эта учеба. К печам тянуло. Вот и кружил и кружил около завода. В комбинатскую библиотеку записался. С заводскими ребятами дружбу завел. Они меня и пригласили на новогодний вечер к прокатчикам. На той вечеринке познакомился я с Машей Ветошкиной, нынешней моей жинкой. До войны я знал ее брата Петра, горнового. Пропал он на войне... Деваха показалась мне серьезной. Комсомолка. Бригадиром на сдаче проката. В вечернюю школу ходит, в десятый класс... Гуляли мы с месяц. А дошли до главного разговора, Маша вдруг и спрашивает: «Скажи, Дмитрий, почему ты, придя с фронта, не вернулся на завод?» Сперва я отшутился, а потом решил выложить все начистоту. Задумалась, сдвинула брови. «Я все это знала,— говорит.— Возвращайся в цех. Слышишь, возвращайся! Не будь трусом. А не вернешься,— не будет тебе моего согласия на совместную жизнь».

...Я уже говорил вам, что работал перед войной подручным канавщика. Так что пришлось теперь начинать с четвертого горнового. Но повезло мне: попал на доменную печь № 1. Она первая не только по номеру, но и по рождению — с нее-то и зачиналась наша «Магнитка». Год за годом пристраивались к ней, будто по ранжиру, новые печи. Теперь их восемь. Чем печь моложе, тем она, понятно, лучше. Но все равно, к первой, к прародительнице,

у нас по-прежнему особое уважение, и народ любит на ней работать. При мне там был мастером Николай Ильич Савичев. Знаете его, наверно? Маленький, сухонький, со спины посмотришь, за комсомольца можно принять. Он на этой домне двадцать пять лет назад первый чугун принимал. Не знаю, может, оттого, что и он фронтовик и примерно по тем же дорогам прошел, что и я, или потому, что ни разу не напомнил о моих похождениях в молодости, только полюбился мне Савичев. Человек негромкий, несуетной, а потолковей, пограмотней других прытких. Жаль было расставаться с ним. А уходил я на пятую печь, чтобы сменить Тыртышного. Николая на Ново-Липецкий завод послали.

И он, между прочим, гремит там. У нас в бригаде — я теперь старшим горновым на седьмой комсомольско-молодежной — есть газовщик Миша Жилин. Он липецкий. Ездил туда прошлый год родных навестить. Ну, и на заводе побывал. «Подхожу,— рассказывал,— к проходной. И натыкаюсь на нашего Николая. Только не на живого, а на портрет. «Лучший горновой». В цехе его не застал: он в ночную выходил. А дома у своих разворачиваю газету, в газете статья про Тыртышного. И по радио тоже про него вещают. Знаменитость! Как бы голова не закружилась!..»

Сам-то я давненько с Николаем не виделся. Тут как-то мы с ним разъехались. Он к нам на завод по обмену опытом. А я в это время в Москву. С докладом в ЦК комсомола о работе нашей домны. Мы только-только на восемь выпусков в сутки перешли. Вот я и докладывал о первых результатах. Потом в город Жданов поехал: мы соревнуемся с мариупольцами. Пока я ездил, Николай с моими ребятами опытом обменивался. А у нас какой обмен? Бери пику в руки — становись к лётке... Он брал, показывал. А я в Жданове тоже брал, показывал. Возвращаюсь, говорят: Николай был. И все от него в восторге. Работает по высшему классу... Потом снова была возможность с ним встретиться. У нас в Магнитогорске собралась всесоюзная конференция доменщиков. Среди докладов был и мой. Должен был выступить и Николай. Да не смог приехать: заболел Но привет не забыл прислать...

Вы меня извините, я вас заговорил. Да и пора мне! Сегодня у меня вечер занятый. Зачеты на курсах мастеров. А потом еще надо к завтрашнему партсобранию подготовиться. Завтра меня принимают в члены партии...

ТРУДНЫЙ СТАРИК

Рассказ

Борис ЗУБАВИН

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Профессора Лебедева, заведующего хирургическим отделением Красновской больницы, уже старика, жившего одиноко и замкнуто, считали человеком трудным, вздорным.

Больница стояла на окраине города, недалеко от Красновского парка, где по вечерам играла военная музыка, которую, если распахнуть окна, особенно после дождя, слышали на верхних этажах.

Отделение считалось полостным, привозили сюда больше всего с аппендицитами, щитовидками, грыжами, и редко кто из больных задерживался больше месяца. Исключение составляли страдавшие язвой желудка или кишечника, их здесь называли «язвенниками». Но таких было мало.

Не проходило дня, чтобы Лебедев не накричал на кого-нибудь из персонала. Стоило ему увидеть даже небольшую оплошность, как он, не уважая и не щадя ничьего самолюбия, тут же начинал, как говорили няни, разоряться почем зря. В отделении, включая врачей, работали одни женщины, и редкий день обходился без слез.

Считали, что, если бы Лебедев был тактичным и воспитанным человеком, он мог высказывать свои замечания более сдержанно и не при всех или свободно мог делать вид, что ничего не заметил.

Но ничего подобного он не хотел признавать, и, когда «разорялся», у него краснела даже лысина, кое-где покрытая редким сивым пушком, и всем становилось неудобно и неловко за его грубость.

Не любила его и Лариса Федоровна Горячева — дежурный хирург отделения, высокая, красивая, с пышными черными волосами, очень жизнерадостная и, несмотря на молодость, уже имевшая право самостоятельно вести самые сложные операции. Даже неизвестно почему, всем очень нравилось называть ее Ларочкой, и на верхних этажах больницы, где помещалось хирургическое отделение, и в приемном покое часто слышалось: «Наша Ларочка», «У нашей Ларочки».

Когда Лебедев кричал на кого-нибудь, Лариса Федоровна с брезгливым огорчением смотрела на него, а если он повышал голос на нее, она гордо вскидывала голову и ничего не отвечала. Так длилось пять лет, которые Горячева проработала в Красновской больнице, придя к Лебедеву прямо из института.

Если не было серьезных очередных операций, которые Лебедев делал сам, то он уезжал обычно на три — четыре часа в городские поликлиники, где консультировал. Без него все держались свободнее, проще, и казалось, если бы он уехал совсем, никто об этом не стал бы жалеть. Так думала и Лариса Федоровна и всякий раз, принимая дежурство, молила бога, чтобы Лебедев уехал куда-нибудь на консультацию и можно было держаться свободнее, веселее.

Подумала она об этом и сегодня.

Накануне она была в театре с Володей Корневым, майором, слушателем военной академии, который давно ухаживал за ней, был влюблен, смотрел на нее преданными, добрыми и как бы истомленными глазами. В этот вечер, провожая ее после театра, он наконец объяснился, сделал ей предложение, которого она уже давно ждала, но, услышав, уклончиво ответила, что должна подумать, хотя наперед знала, как будет вести себя и что скажет ему через день, при следующей встрече.

Теперь, после того, как она хорошо выспалась, приняла ванну, у нее было бодрое чувство необыкновенной легкости во всем теле, и это светлое, солнечное утро с длинными тенями, прохладным еще небом, росою и тихо, в задумчивости стоящими старыми деревьями в Красновском парке придавало всему, что она чувствовала, особенную, значительную, радостно-праздничную прелесть.

В девять часов она заступила на дежурство, а в половине одиннадцатого ее вызвали в приемный покой, куда машина «Скорой помощи» только что доставила прямо из школы молоденькую девушку-десятиклассницу, почти совсем ребенка, с длинными косами, в коричневом платьице и черном сатиновом фартучке. У нее был приступ аппендицита, она умоляюще, испуганно и доверчиво поглядела на Ларису Федоровну, и когда Ларочка оперировала ее, то все время чувствовала эти прекрасные, влажные от слез, встревоженные глаза, и синее чистое небо за огромным, чуть не во всю стену окном операционной, и то, как хорошо, легко она работает, и что у нее не проходит это удивительное, приподнятое, летящее ощущение бодрости, молодости и свежести и она, как яблоко, налита этой сладкой и тугой силой.

Через сорок пять минут все было закончено, а когда Лариса Федоровна записала в историю болезни, как проходила операция, сколько наложено швов, какие даны лекарства, как себя чувствует больная — пульс, температура, давление; когда она, умышленно не спеша, наслаждаясь отдыхом после операции, сделала все это, выяснилось, что Лебедев уже уехал на консультацию.

— Ну и славно! — сказала Лариса Федоровна и засмеялась все от того же переполнявшего ее счастливого чувства.— Ах, как хорошо!

По плану в этот день операций не было, а «Скорая помощь» после школьницы никого не привозила до трех часов дня.

А в три часа Ларису Федоровну опять вызвали в приемный покой: привезли с прободной язвой желудка рабочего завода «Провметалл» старика Мусина. Он был мертвенно бледен, худ, на ввалившихся щеках топорщилась седая щетина. Пять суток, никому не жалуясь, он молча боролся с болезнью, едва добирался с работы до дома, и побриться ему не хватало ни сил, ни желания.

Надо было давно обратиться в амбулаторию, взять бюллетень, полечиться, отдохнуть, но, как назло, подвернулась хорошая сдельная работа, очень срочная, упустить ее было жаль, к тому же и по бюллетеню после нее старик рассчитывал получить много больше.

На шестые сутки болезнь одолела его, работу он так и не закончил.

Когда Мусина перекладывали в палате с каталки на кровать, у него опять, как на заводе, хлынула ртом кровь. После этого он так ослаб, что даже не мог говорить, и лежал, стиснув зубы и закрыв глаза.

Лариса Федоровна Горячева и два ординатора поспешно занимались с ним. Бесшумно и быстро передвигались озабоченные и встревоженные вместе с врачами сестры, выполняя тихие и отрывистые распоряжения Ларисы Федоровны.

Но все, казалось, было напрасно: давление крови катастрофически упало, пульс перестал прощупываться. Даже оперировать старика было уже поздно. Скоро Мусина стал трясти озноб, появилась зевота: старик умирал.

Всю палату заливало солнцем, и то ли от крови, которую не успели убрать с полу, то ли оттого, что, казалось, уже невозможно было предотвратить неизбежное, Ларисе Федоровне Горячевой стало душно. У нее уже не было того счастливого ощущения солнца, неба, своей молодости, той долгой-долгой, красивой, шумной жизни, которая у нее еще вся впереди. И нетерпеливо хотелось теперь только одного — чтобы профессор Лебедев был сейчас здесь. Ах, как необходимо было присутствие этого грубого, вздорного, нетерпимого к людям старика!

Ему уже звонили в поликлинику, он знал, что умирает человек, и наконец приехал.

Не успел он выйти из лифта, а ему навстречу по коридору спешили встревоженные, озабоченные врачи, окружили его, рассказывая о состоянии больного и о том, какие меры приняты. Изменив на этот раз обыкновению, он даже не зашел к себе в кабинет, чтобы надеть халат, и, как был, в сером мешковатом костюме, сутулый, неловкий, потирая большие красные руки, неторопливо пошел к палате, где лежал Мусин. Врачей, мешавших ему идти, теснившихся возле него, он слушал невнимательно и, глядя под ноги, неопределенно, отрывисто бросал:

— Да. Так. Хорошо. Ну, что же, правильно. Этого следовало ожидать. Ничего.

И, глядя на его невозмутимое лицо, казалось, что и в самом деле ничего особенного не происходит.

В палате он не задержался, лишь оценивающе посмотрел со стороны на Мусина, слегка поморщился и, словно тут же потеряв к нему интерес, пошел к двери, бросив:

— На стол!

Но сказал уже твердо, повелительно, властно.

Когда Мусина везли в операционную, все, кто был в коридоре, знали, что он при смерти, и с тревогой и жалостью смотрели ему вслед.

Через три часа двери операционной, все это время закрытые наглухо, распахнулись, и Мусина повезли обратно в палату.

А внизу, в коридорчике регистратуры, на жестком диванчике с сиденьем, вытертым местами до восковой желтизны, сидела худая, темная старуха, жена Мусина, и слезы текли по ее дряблым щекам не отвесно, а по морщинам, в разные стороны, и от этого все лицо ее, даже подбородок, было мокрым.

Мусин был человеком мрачным, склочным, еще лет десять назад в каждую получку обязательно справлял «день металлурга», «зашибал», и тогда ему нельзя было слова сказать, потому что он, чуть что, дико свирепствовал — начинал кидать в стены тарелками и стаканами и кричал: «Я здесь хозяин!»

Состарился он как-то сразу, в один день, и тоже сразу, как отрубил, бросил пить водку, но после этого сделался до того жадным, что считал каждый гривенник, и, когда однажды ходил со старухой в заводской клуб на бесплатное кино и там старухе, словно на грех, захотелось попить лимонаду, он купил ей за пятачок лишь газированной воды без сиропа.

Дети — их было трое — давно разъехались из дому кто куда.

Раньше старухе казалось, что, если он умрет, будет для всех облегчение, а когда узнала, что старик ее при смерти, ей так сделалось жалко его, что у нее от горя подкосились ноги и она едва дотащилась до больницы.

Теперь, сидя на жестком диванчике, она вспомнила все годы, прожитые в замужестве, все сорок шесть лет. И вспомнилось только хорошее; старик казался добрым, ласковым, веселым, щедрым, каким никогда его и не видали, и старухе даже стало удивительно, как это она раньше ничего такого не замечала за ним.

Лариса Федоровна ассистировала профессору, очень устала, но, как только операция закончилась и стало ясно, что Мусин спасен от смерти, усталость словно рукой сняло, и вновь вернулось то чудесное ощущение, какое с утра волновало ее.

Ей сказали, что внизу уже давно сидит и плачет жена Мусина, она сейчас же сбежала к ней по лестнице, скользя одной рукой по перилам и легко и весело перескакивая через ступеньку, села, запыхавшаяся, раскрасневшаяся, рядом со старухой, вполоборота к ней, на диване, касаясь твердой, сухой старушечьей ноги упругим, полным коленом, и, заглядывая в глаза, убежденно и радостно сказала:

— Зачем же плакать! Теперь все хорошо, профессор у нас замечательный, он все сделал как нельзя лучше! — И, говоря так, сама вдруг впервые подумала, что профессор у них действительно замечательный: совершил сейчас с Мусиным почти невозможное, и больница у них тоже замечательная, операционная оборудована самой новейшей аппаратурой, а какие хорошие, внимательные, заботливые врачи, сестры, няни!

— Господи! Пошли ты ему долгих лет самой хорошей, самой беспечальной, бесслезной жизни за доброту его сердечную, за руки его золотые,— вытирая ладонями мокрые щеки и подбородок, запричитала старуха.— Не оставил меня сиротой, старую.

— Ну, вот и хорошо,— растроганно сказала Лариса Федоровна, обняв ее за плечи и помогая встать с диванчика.— А теперь идите домой, отдохните и приходите к нам завтра. И, пожалуйста, не беспокойтесь.

Поднимаясь в лифте к себе на пятый этаж, Лариса Федоровна вспомнила все старушечьи слова,— как хорошо, складно сказала она: «За доброту сердечную, за руки его золотые»,— хотя никто еще не видел лебедевской доброты, а руки у него были красные, большие, рабочие.

И все-таки как же была права старуха! Только даже за то, что Лебедев сделал сейчас своими руками для Мусина, хотелось простить ему всю его грубость и бестактность. И Лариса Федоровна, чувствуя себя от этого еще лучше, решила пойти к нему и рассказать, с каким восторгом благодарила его старуха Мусина и как приятно было слышать это.

Профессор, собравшийся ехать домой, стоя на лестничной площадке, красный до макушки, уже кричал за что-то на дежурную сестру. У Ларисы Федоровны вдруг пропала вся охота разговаривать с ним, и она с обычной своей брезгливостью поспешно прошла мимо.

Лебедев не помнил зла, быстро отходил, но это никто не ставил ему в заслугу, так же как никто не замечал, что он одинок, что жизнь его на исходе, что роднее, дороже Красновской больницы для него давно уже ничего нет и он до обожания любит всех, кто работает с ним, а кричит потому, что стесняется показаться смешным в этой своей сердечной привязанности к врачам, сестрам и няням.

По дороге домой и дома, сидя за стаканом крепкого чая, который принесла ему старуха, жившая у него очень давно, которую он по привычке называл няней, воспитавшая обоих его сыновей, погибших на фронте, похоронившая с ним его жену, он все думал о больнице, как, впрочем, думал о ней каждый день, и думал не о том, что отлично сделал сложную операцию,— это давно стало для него привычным и будничным,— а о том, что Ларочка Горячева прекрасно ему ассистировала и, конечно же, скоро сама будет делать такие операции. Это было очень приятно ему.

Вечером в открытое окно ординаторской было слышно, как в Красновском парке играет военная музыка, и, слушая ее, Лариса Федоровна, счастливая, возбужденная, думала о том, как много еще ей жить на свете, что вот пройдет эта короткая летняя ночь и утром, сдав дежурство, она встретит Володю Корнева и скажет ему о своем согласии.

Ночью, все думая о Володе, о том, что очень любит его, она несколько раз приходила к Мусину. Во сне он дышал свободно, легко и утром, открыв глаза, пощупав слабой, неверной, костлявой рукой щетину на подбородке, спросил у соседа, когда придет парикмахер и даром бреет он или за деньги.

Потом он долго лежал неподвижно, уставясь в одну точку на потолке, и прикидывал, во сколько ему обойдется больница: по бюллетеню он будет получать восемьдесят процентов заработной платы, из них вычтут по четыре рубля в день за лечение, по рублю через день придется платить за бритье, да старуха разгуляется теперь не в меру, станет носить ему гостинцы, курицу, наверно, сварит, яблок купит...

Выходило, что долго лежать здесь невыгодно. И больше всего старика беспокоило, что надо платить парикмахеру, когда, говорят, в других больницах бреют задаром.

Из дорожной тетради

Александр РЕШЕТОВ

Под солнцем

Груб с любимой ты или нежен —
Солнцу красному все равно:
Морю,
Скалам,
Листве черешен
И тебе шлет пучи оно.

Вспыхнет пена у скал парчою,
И сверкнет листва, как цветы...
Что, когда, огрубев душою,
Ничего не заметишь ты!

Можно камнем лежать в постели,
Занавесить можно окно...
Солнцу красному все равно,
С кем оно свой огонь разделит.

На Эгейском море

Я вижу впервые такое.
Неведомым был до сих пор
Красивый твой, море чужое,
Колдующий синью простор.

И смутные властные мысли
Глядеть мне на волны велят,
Что солнцем с безоблачной выси
И синью глубинной горят.

Как вдруг — не из нашего ль края! —
Знакомая с детства на вид
Простая утиная стая
Над этим простором летит.

Летит она,
Крыльями машет,
Все ниже и ниже полет.
Морозы трескучие наши
Не здесь ли она переждет!

Будь солнечным, море чужое,
Пусть утки зимуют здесь,
Пусть
В условленный срок я в родное
Раздолье России вернусь:

На гулкие льды на озерах,
К березам и соснам в леса,
На пашни и травы, с которых
Блеснет дорогая слеза.

Там радость свою мне и горе
Встречать, как я прежде встречал,
Про теплое синее море
Там в детстве я сказку слыхал.

Рисунки М. Рабиновича.

КЕМ БЫЛ МЕНДЕЛЕЕВ?

Олег ПИСАРЖЕВСКИЙ

Заглянув как-то недавно в библиотечный шкаф, где во всю длину внушительной полки построились двадцать шесть томов полного собрания сочинений Дмитрия Ивановича Менделеева, я вспомнил замечание одного из редакторов и комментаторов этого величественного свода учености целого века.

— А что, — сказал он, — если бы отдельные тома раздать людям, которые никогда ничего не слыхали о Менделееве, и попросить их определить специальность этого ученого? К каким бы выводам могли они прийти?

Исходная посылка этого шутливого предложения недостоверна. Вряд ли найдется где-нибудь на земном шаре мало-мальски культурный человек, которому было бы совсем незнакомо имя Менделеева. Тем не менее подобный опыт мог бы дать интересные результаты. Во всяком случае, для многих знакомство с большинством томов полного собрания сочинений великого естествоиспытателя было бы наверняка источником своеобразных «открытий». Не все направления многосторонней деятельности Менделеева равно известны. Отдельные важные подробности его творческой биографии прояснились только в самое последнее время. Каждый из тех историков, который работает над этим, с полной убежденностью повторит вслед за ученицей и биографом великого ученого О. Озаровской: «Менделеева надо так же изучать, как Пушкина».

Те читатели, которые пожелали бы углубиться в тома, заключающие в себе живые документы истории создания Периодической системы химических элементов, попали бы в атмосферу наиболее напряженных и плодотворных научных поисков.

Как можно забыть мартовский вечер 1869 года, когда в Петербургском университете, где заседало Русское химическое общество, прозвучала первая — и уже исчерпывающе полная и уже законченно четкая — менделеевская формулировка одного из величайших законов природы — Периодического закона химических элементов! А незадолго до этого многим ученым была разослана вытекающая из этого закона таблица, в которой известные к тому времени 64 элемента, подчиняясь проникновенной догадке мыслителя, расположились в том порядке, который определился, как выяснилось много позже, сокровенными особенностями строения их атомов.

Сам Менделеев со своей фанатической требовательностью к труду ученого соглашался назвать первооткрывателем закона природы только того, кто «прежде других его ясно сознавал, а не смутно только предчувствовал, кто себя и других убедил в существовании этого закона рядом фактов и умозаключений».

Вот одно из таких умозаключений, связанных с Периодическим законом, быть может, наиболее яркое. Периодическая система, как известно, обладает такой замечательной особенностью: в расположенных соответствующим образом элементах через известные промежутки наблюдается повторение каких-то главных свойств, а в пределах каждого из таких промежутков — периодов — изменение определенных свойств происходит так непрерывно, что если эта последовательность нарушается грубым скачком, можно предположить, что тут существует пропуск — одно из мест системы еще не заполнено. Здесь, быть может, должен находиться какой-то еще неизвестный химический элемент. Такое предположение требовало, конечно, отчаянной смелости и глубочайшей веры в неопровержимую истинность только что открытого Периодического закона атомов.

Д. И. Менделеев в своем кабинете.

Менделеев отважился предсказать свойства не открытых еще элементов. А когда эти элементы были найдены и их свойства определены неверно, он исправлял эти неточности на основании своих теоретических расчетов. И оказывался прав!

Таков был, в частности, результат его знаменитой телеграфной «дуэли» с французским химиком Лекоком де Буабодраном, открывшим предсказанный Менделеевым галлий. Менделеев на расстоянии исправлял удельный вес элемента, который еще не держал в руках никто, кроме французского исследователя. Вскоре тот в Париже с признательностью принял поправку, сделанную творцом Периодической системы из Петербурга. Таково всемогущество теории, которая всегда материалистична, если она обобщает подлинные факты действительности.

Примечательна дальнейшая судьба Периодической системы химических элементов. После разгадки тайны периодичности, заключенной в строении электронных оболочек атомов, система эта не только не была поколеблена, но, наоборот, окончательно утвердилась на незыблемом фундаменте первых менделеевских набросков.

Происходившее на протяжении последних десятилетий непрерывное обновление системы при сохранении в неизменном виде ее сущности завершилось недавно открытием нового химического элемента — сто первого по счету. Этому аналогу туллия группой открывших его американских ученых (Г. Сиборг, А. Джиорзо, Дж. Чаппин, Б. Харвей и С. Томпсон) было присвоено название менделевия Mv в память того, что Менделеевская система почти столетие служила ключом к открытию новых элементов. Можно добавить, что Периодической системой Менделеева ученые руководствовались как надежным проводником в область атомной энергетики. Она служила и продолжает служить верным компасом химикам, создающим небывалые в природе вещества, сконструированные по химическим «чертежам». Как яркий луч, она осветила земные недра. Законы сходства, химической близости атомов определяют поведение элементов в земной коре. И великая Менделеевская таблица помогает открывать эти подземные кладовые.

Но вернемся к нашему маленькому мысленному эксперименту, познакомимся по отдельным томам с научным наследием великого ученого.

— Это отличный физик! — могут воскликнуть те, кому попадутся работы Менделеева по капиллярности и растворам или по упругости газов и их сопротивлению, что так важно для воздухоплавания. Они обнаружат, кроме того, что Менделеев изобрел множество физических измерительных приборов, в частности для изучения высоких слоев атмосферы. И даже сам летал на воздушном шаре, чтобы в облачный день наблюдать солнечное затмение...

Впрочем, в признании Менделеева физиком не будет ничего нового. Вопрос о том, физик или химик Менделеев, всерьез обсуждался в научной литературе в начале нашего века. Эти сомнения были оправданы тем, что Менделеев являлся не только химиком и не только физиком. Сквозь все его работы красной нитью проходит живой, активный интерес и к устойчивому состоянию вещества, и к химическому соединению как таковому, и к самому процессу образования этого соединения. Так, образно говоря, при взрыве гремучей смеси водорода и кислорода он интересовался не столько получающейся при этом водой, сколько тем, почему и как происходит сам взрыв. А новая отрасль науки, воспринявшая этот глубокий интерес Менделеева к изучению механизма химических реакций [1], в двадцатых годах нашего столетия делала только первые шаги. Должно было пройти немало времени, чтобы в 1934 году академик С. И. Вавилов в юбилейной речи смог уже с полной определенностью заявить, что для Менделеева «несомненно ближе всего была та область, которую за последнее время начинают называть «химической физикой» и которая характеризуется принципиальным стремлением трактовать всю область химии, как специальную задачу физики». На этом пути Менделеева ждали столь ослепительные успехи, как открытие так называемых критических температур, особых для каждого газа, ниже которых при обычных условиях он обязательно превращается в жидкость...

— Перед нами выдающийся знаток промышленности и техники, — скажут те, кто узнает из работ Менделеева, что это именно он придумал дробную перегонку нефти и выдвинул идею эксплуатации подземных угольных богатств без добывания угля на поверхность — идею подземной газификации углей. Сейчас она получает в СССР свое промышленное осуществление. Менделеев создал один из наиболее совершенных видов бездымного поро-

[1] Наука эта — химическая физика — представлена в СССР школой академика Н. Н. Семенова. Международное значение работ этого ученого было отмечено недавно присуждением ему Нобелевской премии.

ха. Он впервые организовал в России широкое испытание действия химических удобрений...

— Позвольте, — вмешаются в разговор читатели других менделеевских сочинений, — этот ученый — выдающийся экономист и экономгеограф. Ведь это он разработал экономические обоснования таможенных тарифов, которые должны были охранить неокрепшую еще промышленность России от демпинга более развитых капиталистических стран. Это он развил идею Великого Северного пути вдоль берегов Северного Ледовитого океана и боролся за создание ледокольного флота. Это он, наконец, раньше других экономистов предвидел предстоящее перемещение центра экономического развития России в восточные районы страны. И разве не ему принадлежат пророческие слова: «Легко предвидеть, что благосостояние и все мирное развитие России теснейшим образом окажутся связанными с судьбами, предстоящими Азии и Великому океану...»!

И это еще не все! Кому-нибудь могли бы достаться тома сочинений, которые с неопровержимостью доказывали бы, что Менделеев был выдающимся метрологом...

Однако из всех этих рассуждений незаметно сложилась притча о том, что великого человека нельзя дробить на части. Он велик именно в единстве своих устремлений, в слитности своих свершений.

Просматривая подряд хронологический список работ Менделеева, и впрямь не трудно, пожалуй, растеряться при виде той «странной броуновской пляски», как по этому поводу остроумно выразился академик С. И. Вавилов, пляски, в которой статьи по химии и физике переплетаются с вопросами технологии горного и нефтяного дела, с материалами по метрологии и метеорологии, с экономическими исследованиями и заметками о живописи.

Только поняв всю высокую человечность устремлений Менделеева, можно оценить по достоинству разносторонность и одновременность интересов, роднивших его с Леонардо да Винчи, Лейбницем, Ломоносовым и Гёте.

Излагая свои впечатления о поездке на родину — в Сибирь, — Менделеев на склоне лет писал: «...Люди опытные сразу отличают сибиряков... Сибирь, замечу, чуть ли не единственная большая страна, не ведавшая никогда войн, не знавшая и крепостного быта. Тут воевать учатся с природой...» В этих немногих словах выражено отношение Менделеева к тому, что он считал добром и что почитал злом. Он ненавидел рабство и войны. Он был пламенным певцом творческого труда, покоряющего природу.

Он любил людей. Успех первых опытов применения комплексных удобрений побуждал Менделеева говорить о видевшейся ему в будущем «земледельческой промышленности», о растущем «пире жизни». Он гневно вопрошал: «Не хотят ли новые мальтузианцы остановить этот рост? А по моему мнению, — писал он, внося, как всегда, какую-то свою, глубоко своеобразную, личную нотку в высказывания по общественным вопросам, — чем теснее, тем дружнее. Деток же не только надо любить, но и жалеть, иначе ничего не понять».

Непоколебимый оптимист, он звал к безграничному развитию производительных сил: «Тесноты людей не то, что следует избегать, но необходимо искать, чтобы жизнь шла не черепашьим шагом, а скорым, современным, бодрым».

Как это не похоже на злобные наветы современных мальтузианцев, предрекающих миру гибель и требующих истребления «малоценных рас», под которыми они понимают прежде всего угнетенные и порабощенные народы колониальных стран!

Пятьдесят лет прошло со дня смерти Д. И. Менделеева. Мы чтим его не только как великого ученого. Этим он славен. Мы чтим его как великого гуманиста. Этим он нам особенно дорог.

Литье в скорлупе

На шершавом листе ватмана — контуры вагонного тормоза. Механизм должен быть исключительно точным в работе, легким в управлении и недорогим в изготовлении. Раньше отдельные детали отливали в больших формах. Потом готовая отливка путешествовала в механическом цехе — по токарным, фрезерным, строгальным станкам.

Но вот перед нами сверкает синевой резьбовая крышка — часть вагонного тормоза. Ее не касалось острие резца.

Эту деталь отлили в... скорлупе. Оболочковая форма для нее так тонка, что действительно напоминает скорлупу.

Как же происходит такая отливка?

Металлическую модель детали — ее копию в натуральную величину — прикрепляют к плите и нагревают до 250 градусов. Затем модель опрокидывается в бункер с формовочной смесью. Смесь эта не формовочная земля, которая применяется при обычном литье. Здесь она состоит из мелкого кварцевого песка и особой смолы — пульвербакелита. Пульвербакелит представляет собой кремнийорганическое соединение, которое, собственно, и произвело переворот в литейном деле. Кремний делает смолу жаростойкой, способной выдержать высокие температуры. Расплавляясь, смола склеивает песок, который приобретает огромную прочность. Так химия пришла на помощь литейщикам.

Попав на горячую модель, смола расплавляется, и на поверхности образуется тонкая прочная скорлупа, толщиной всего в 7—8 миллиметров. Процесс длится лишь одну минуту. После этого плита и бункер принимают прежнее положение, а модель, одетую оболочкой, помещают в печь и выдерживают еще одну минуту при температуре 400 градусов. Когда оболочка становится твердой, ее отделяют от модели и переносят на литейный участок. Тут из отдельных оболочек-полуформ собирают более сложные формы и заливают в них расплавленную сталь. Отлитые детали почти не нуждаются в механической обработке.

Литье в скорлупе дает огромную экономию металла, средств и времени. Советские ученые подсчитали, что на каждой тысяче тонн отливок в оболочковой форме можно сберечь до одного миллиона рублей. Кроме того, такой процесс литья доступен механизации.

Всесоюзный проектно-технологический институт Министерства тяжелого машиностроения создал четырехпозиционный полуавтомат, изготавливающий литейную скорлупу. На этой машине в работе последовательно находятся 4 полуформы. За 8 часов она может дать 500 изделий. Вся установка занимает только 3 квадратных метра. Еще более высокопроизводительный полуавтомат разработан во Всесоюзном проектно-технологическом институте Министерства транспортного машиностроения. Новая машина производит за смену до 700 полуформ.

А. САНИН

Юп. СЕМЕНОВ

Фото Е. УМНОВА.

Если вы спросите харьковчанина, где можно купить хорошие яблоки, вам ответят: «На рынке». Так ответят даже в том случае, если вы стоите у витрины фруктового магазина. Харьковчане любят свой центральный колхозный рынок и по праву им гордятся: светлый, просторный, блещущий кафелем, полный самых разнообразных продуктов.

Фашисты разрушили этот рынок. Сейчас он отстроен заново, расширен, усовершенствован. Одна только торговая площадь занимает шесть с половиной тысяч квадратных метров.

Пройдемся по рядам и посмотрим на тех, кто торгует, поговорим с ними, послушаем их.

Колхозник сельхозартели имени В. И. Ленина Петр Иванович Выродов приехал из Белгородской области. В прошлом году он ушел на пенсию, но продолжает работать в колхозе. На рынок он привез топленое масло. П. И. Выродову приходится снизить цену: уж очень много продается масла — и сливочного, и топленого, и подсолнечного.

Колхозница сельхозартели имени Н. С. Хрущева из Одесской области Галя Колисниченко привезла домашнюю колбасу. Скорей бы распродать: надо успеть походить по магазинам! Себе она решила купить пальто, обязательно темно синее, с котиковым воротником, матери — юбку и туфли, отцу — костюм, коричневый, в полосочку.

Самый популярный уголок рынка. Здесь можно купить полуфабрикаты: фарш, заливное, салат.

А это палатка городского овощеторга. На рынке ее называют «белым пятном»

Мария Ивановна Ращевска из села Водолага, Харьковской области, действует на психику покупателя иным путем. Не торгуясь, она называет цену: 12 рублей за килограмм. И предлагает:

— Спробуйте творожку!

Рабочий А. И. Николаев выкормил кабана. Кабан знатный — 180 килограммов веса.

— Телевизор надо купить,— говорит А. И. Николаев.— Меняю кабана на телевизор,— шутливо добавляет он.

Т. М. Андрющенкова торгует птицей. Вряд ли она имеет собственное птичье хозяйство. Такие «посредницы» между колхозниками и потребителями не прочь набить цену.

— Сколько стоит?

— Тридцать пять рублей

Но затем смилостивилась и готова отдать за двадцать.

Гриша Хачадрян из города Гагра — совместитель. Он и железнодорожник и продавец мочалок и хурмы одновременно. Не отражается ли это странное совместительство на его служебных обязанностях?

И. Склярова и ее отец, 70-летний хирург волчанской больницы Ю. Д. Скляров, провели на рынке чуть не целый день. Послезавтра у одного из внуков Склярова день рождения. Их сумки полны: там яблоки, орехи, апельсины.

НА ЗЕМЛЕ ДРЕВНЕЙ ЭЛЛАДЫ

В Фессалии. Дорога на Волос

В Фессалии. Дорога на Волос.

Евгений ПОПОВКИН   Фото А. НОВИКОВА

Специальные корреспонденты «Огонька»

Поездка в Волос

На город Волос, в Фессалии, обрушились серьезные бедствия. Он перенес землетрясение. Затем с гор хлынули потоки воды. Жертв стало еще больше, многие жители лишились крова.

И хотя далеко Ростов-на-Дону от Эгейского моря, он принял беду греческих тружеников близко к сердцу. Ростовчане выделили средства в помощь пострадавшим.

Нам сказали:

— Завтра в Волосе закладывается «мост дружбы» — его так назвали в честь дружбы между греческим и русским народами. На торжество прибыла ростовская делегация.

...Густая темнота, окутавшая землю, когда мы подъезжали к Волосу, не дала нам ни увидеть разрушений, которые причинило городу землетрясение, ни вообще разглядеть его улиц и набережных.

Остановившись в приютившейся у самого моря гостинице с лирическим названием «Ясная», мы вдруг узнали, что торжественная закладка «моста дружбы» отменена. Кто-то по каким-то туманным соображениям не то что запретил, а «счел нежелательным» общение портовых рабочих, рыбаков и табачников с советской делегацией.

— Ну что ж, побываете на официальном приеме у мэра в честь ростовчан,— утешили нас.— Познакомитесь с членами муниципалитета.

Поджидая в холле гостиницы председателя Ростовского горсовета Василия Дмитриевича Сулименко и его товарищей, мы созерцали обычную гостиничную сутолоку. Коридорные носили громоздкие чемоданы, кто-то сдавал портье свои паспорта, трое нетерпеливых клиентов переругивались с шофером такси.

— Две дамы просят разрешения поговорить с вами,— сказал служащий отеля и указал кивком на сидящих поодаль женщин.

Переводчика в эту минуту рядом не было, и побеседовать с ними согласился представитель советского посольства, знающий язык. Но оказалось, что женщины свободно говорили по-русски. В руках они держали небольшие букетики, весьма скромна была и их одежда.

Заметно волнуясь, одна из них, протягивая цветы, сказала:

— Очень просим принять... Извините, что побеспокоили... Но мы тоже русские...

— Какие же обстоятельства привели вас в Волос? — поинтересовались мы.

— Война,— ответила женщина и, кивнув на свою спутницу, добавила: — Подруга моя из Ростова, я харьковчанка.

Мешая русские слова с греческими и помогая друг другу, женщины принялись рассказывать о себе. Во время оккупации их угнали в Германию. Там они изведали и концлагери и рабский труд на фабрике. Потом вышли замуж за военнопленных греков и вот уже почти десять лет живут здесь.

— Хотим вернуться на родину,— закончили они свой печальный и сбивчивый рассказ.

— Все зависит от вашего желания,— ответил представитель посольства.— Многие с такой же судьбой, как ваша, уже вернулись.

— Наши мужья хотят ехать с нами! — сказала женщина.— Здесь очень трудно найти заработок. А они умеют работать.

Она стиснула пальцы рук коротким и сильным, до хруста в суставах, движением. Ей, видимо, было трудно сдержать слезы, и, чтобы не показать этого, женщина попыталась улыбнуться.

Сложное щемящее чувство испытываешь, глядя на соотечественников, мыкающих горе на чужбине, подобно этим двум женщинам. С грустью смотрели мы на их тщетные усилия выглядеть беспечными, на бедненькие букетики, завернутые в прозрачный целлофан.

Поскольку речь зашла о наших земляках, живущих в Греции, стоит, пожалуй, рассказать и про другие встречи.

В Пирее, на сигаретной фабрике Папастратоса, вот так же подошла к нам еще нестарая, но почти совсем седая работница с осунувшимся, бледным лицом.

— Я из Киева,— сказала она по-украински.— Очень хочу вернуться на родину...

На одной из старинных афинских улочек, Монастираки, среди чадных кузниц и кустарных мастерских, изготовляющих церковную утварь, надгробные памятники и кресты, мы никак не ожидали услышать русскую речь. Коренастый мужчина в испачканной угольной пылью майке долго стоял возле «Победы», затем деловито осведомился:

— В Севастополе Сеченовский институт не восстановили?

Спросил таким тоном, словно судьба института была для него самым животрепещущим вопросом.

— А вы давно были в Севастополе? — задал я, в свою очередь, вопрос.

— Во время обороны... Там и в плен попал...

Он пристально смотрел на нас, видимо, намереваясь спросить еще о чем-то, но его сердито окликнули, и мужчина поспешно скрылся в мастерской за тюками парусиновых мешков и связок каната.

В советском консульстве в Афинах нам сказали:

— Вернуться на родину могут все, кто этого хочет. Заявлений много.

Но немало есть людей, попавших сюда в годы войны, терпящих здесь большую нужду и не знающих, что наша страна делает все возможное, чтобы помочь им вернуться домой.

Однажды утром, в тот день, когда в Афины прибывал с туристами теплоход «Победа», я увидел старика, сидевшего на камне около Акрополя.

— Дожидаюсь вот, не встречу ли земляков,— сказал он нам, подкручивая реденькие седые усы и продолжая глядеть выцветшими голубыми глазами на знойное шоссе, кольцом охватившее холм.— Сам я из Одессы...

Он был гладко выбрит, в чисто вымытой и тщательно заштопанной на худом плече рубахе.

— Давно из Одессы?

— С войны... Ходил на грузовом судне... Сюда вот и пришвартовался.

Старик достал из кармана жестяную коробочку с крошеным табаком. Я предложил папиросу.

— Вот за это покорнейше благодарим,— сказал он и осторожно повертел папироску в пальцах.— Ленинградская?

Старик положил ее в жестянку.

— Покажу старухе... День и ночь только и соображаем, как до дому пробиться... Как говорится, земля мила, где мать родила... Хоть перед смертью поглядеть...

— На какие средства живете?

— Наши «средства»!..

Старик невесело усмехнулся. Бритое лицо его с тощими усами приняло тоскливое выражение. Помолчав, он спросил:

— Верно писали насчет пенсий таким, как я... в России?

— Есть такой закон.

— Говорил я своей,— удовлетворенно, со вздохом произнес старик и, заметив приближающийся туристский автобус, поднялся с камня.

Не знаю, удалось ли ему повидаться со своими земляками, но спустя несколько дней я заметил его среди мужчин и женщин, ожидающих приема у советского консула.

Видели мы и других людей, кое-как помнящих русский язык. Среди них запомнилась бойкая и словоохотливая дамочка, перехватывающая еще на аэродроме или в порту каждого человека из Советской страны, чтобы подсунуть ему гнусную антисоветскую брошюрку или газетку. Особа эта, как нам сказали, большую часть времени живет в Мюнхене, где-то в эмигрантских клоповниках «Свободной Европы».

Или вот безобидный и благообразный с виду старичок — продавец морских губок на афинских улицах. Всучив советским туристам свой товар, охотно сфотографировавшись с ними, он столь же охотно принимается расхваливать свою «обеспеченную старость». Не распространяется он лишь о том, что до сих пор лелеет мечту вернуть себе большую гостиницу в Ленинграде, утраченную им в дни революции.

На улице Стадиу, в ресторанчике «Петроград», видели мы его владельца Яковлева, привлекающего в свое заведение эмигрантское отребье «русскими» пирожками, позеленевшим от времени самоваром и водочными бутылками с английскими этикетками.

Как-то ночью возвращались мы из театра к себе в отель. Сиплый, пропитый голос, сопровождаемый бренчанием гитары и подвыванием саксофона, доносился с эстрады скверика, и мы остановились.

Перед пятью — шестью запоздалыми слушателями, равнодушно сидевшими за столиками, кривлялся, уныло приплясывал, выщелкивал пальцами субъект неопределенного возраста. Он только что спел «Гайда, тройка!» и без передышки принялся за «Чубчик». Его никто не слушал, гарсоны в длинных белых фартуках торопливо складывали на ночь скамейки, а бог весть в каких нафталинах выдержанный, из какой щели выползший «исполнитель старинных русских песен», закатывая глаза и прижимая руки к груди, с надрывом запел «У камина».

Нет, не эти люди без родины и по недоразумению лишь именующие себя русскими, пользуются уважением и любовью греческих тружеников, не им дано испытать тепло дружеских рукопожатий простых людей Греции!

...На встречу с ростовской делегацией мэр Волоса Клапсопулос и бывший мэр этого города, ныне депутат парламента от демократической партии трудящегося народа, Карталис официально пригласили небольшую группу членов муниципалитета.

Но для маленького городка событие было слишком необычным. В Волосе — гости из Советской страны!

Немало чернил и бумаги было затрачено яростными противниками сближения греческого и советского народов на гнусную клевету о Советской стране. Дикторы радиостанций «Свободной Европы» вконец осипли, извергая одну выдумку за другой на советский народ и его миролюбивые устремления. Но вот в маленький приморский городок приехала делегация из Советской страны. И это дало возможность греческим труженикам взглянуть своими глазами на тех, о ком они слышали всякое — и доброе и недоброе, — и высказать лично свое отношение к ним.

В небольшом ресторанчике, куда гостей пригласили к накрытым столам, двери были распахнуты настежь. Возле них теснились те, кому не посчастливилось занять свободного столика; одни, немного послушав, уступали место другим, толпа все время увеличивалась.

Среди соседей по столу — врачей, адвокатов, служащих муниципалитета, любезных и скромно одетых людей,— выделялся расфранченный молодой человек, ковырявший в зубах и время от времени лениво помечавший что-то в блокноте.

Мой собеседник, отлично выполнявший роль переводчика (отец жил когда-то на Урале), показал одними бровями на молодого самоуверенного человека:

— Корреспондент газеты... Нехороший господин...

Вскоре я в этом убедился по характеру вопросов, которыми корреспондент принялся меня атаковать.

Его плохо скрываемое ироническое отношение ко всему советскому, недоброжелательный тон вызвали у сидящих за столом энергичный протест. Почтенный старый врач с эмблемой мира — белым голубем — на лацкане пиджака едко сказал ему что-то и, оборотясь к нам, поднял бокал:

— Ясас!.. Ваше здоровье!

Седой официант в черном смокинге, подливая нам легкого янтарного вина, шепнул:

— Сегодня настоящий праздник!.. Я так давно мечтал повидать русских!.. Еще когда сидел на острове Макронисос... В кандалах...

Он с добродушной и веселой улыбкой, по-домашнему суетясь, разносил блюда откупоривал винные бутылки, с трогательной предупредительностью подкладывал на тарелки гостей то рыбу, то салат... Можно было заметить, что сегодня работа в невзрачном, пропахшем кухонным чадом ресторанчике ему действительно доставляет удовольствие. Значок с изображением голубя, который кто-то подарил старому официанту, вызвал у него искреннюю радость. Он тотчас же прикрепил его к черному смокингу.

Как и положено на официальных приемах, произносились речи, тосты, звучали по-гречески «Ясас!», по-русски «Ваше здоровье!». Говорили горячо и задушевно о взаимном уважении, обоюдном доверии, единодушном стремлении к миру...

И пусть не звенели на этот раз в небогатом приморском ресторанчике традиционные банкетные бокалы из хрусталя,— глухое звяканье тяжелого стекла стаканов, запотевших от ледяного вина, не ослабило теплоты товарищеского ужина, простоты и сердечности, сблизивших хозяев и гостей.

Карталис, популярный в стране общественный деятель, сделавший, в частности, много для города Волоса, поднялся и сказал:

— Греческий народ хочет мира и независимости... Он не желает вмешательства в свои внутренние дела... Мы были в Советской стране, посетили Москву, Ростов... Теперь у нас гости из Ростова. Пусть это послужит еще более тесному сближению наших народов...

На улицах города Волоса.

Потом говорили мэр Волоса Феодорос Клапсопулос, председатель Ростовского горсовета Василий Сулименко.

Но, пожалуй, красноречивее всех слов, искренних и доброжелательных, были крепкие рукопожатия, которыми на прощание обменивались люди, впервые встретившиеся в прибрежном фессалийском городке.

— Убедительно просим посетить завтра и наш город,— сказал Василию Дмитриевичу Сулименко мэр соседнего поселка Неа Иония Доксопулос.— Жители очень хотят видеть гостей из Советской страны. Они прочли о вашей помощи в газете...

Коротенькая, в несколько строк, газетная заметка о том, как советские люди по-братски отнеслись к беде тружеников далекого греческого городка, читалась в эти дни каждым... Заметка, затиснутая между подробными сообщениями о том, что англичане повесили трех юных киприотов и что в Греции усилился турецкий шпионаж; заметка, скромно приютившаяся среди корреспонденций о прибытии в страну генералов НАТО и подробных описаний того, как американский павильон Салоникской выставки оскорбляет грошовыми подачками национальное достоинство греков...

— Муниципалитет Неа Ионии просит вас посетить нашу мэрию хотя бы на несколько минут,— повторил Доксопулос.

Не принять приглашения было невозможно. Встречу назначили на завтра.

— Я приду за ними утром! — с поспешной готовностью сказал господину Доксопулосу низенький толстый мужчина. Он не отходил от нас ни на шаг.

Среди разных людей, с которыми нам довелось встретиться в ресторанчике во время ужина, этот толстячок с коротко подстриженными черными усиками и под стать им черными выпуклыми глазами выделялся своей активностью. Он был единственным, кто догадался «сделать свой бизнес» на популярности советской делегации.

То ли владелец часового магазина, то ли просто часовщик, он, оставив свое предприятие, добровольно принял на себя обязанности и хлопоты переводчика. Язык он знал хуже чем посредственно: путал, например, слова «восхищен» и «возмущен»,— однако этот недостаток с лихвой возмещался неукротимой энергией и страстным желанием внушить землякам, сколь значительна его роль в приеме советских гостей. Это причиняло ростовским делегатам немало тихих страданий. Каждый раз, когда они намеревались с кем-либо побеседовать по-

просту, посмотреть кустарную мастерскую, магазины, рынок, часовщик незамедлительно вступал в роль переводчика. Он самозабвенно, с каким-то исступлением толкал всех на торжественные речи и... торопил гостей дальше.

Сердиться на него было невозможно: свой маленький «бизнес» он делал добросовестно и галантно. Надо полагать, престиж его среди горожан в какой-то мере вырос, но ростовчанам оставалось только мечтать о тех коротких и редких перерывах, в которые они обходились без настойчивых забот удивительно инициативного переводчика.

...После многих впечатлений, которые подарил нам этот сентябрьский день, не хотелось сразу же отправляться спать.

Мы еще долго ходили по набережной. Свежо и солено пахло морем. Чуть слышно шуршали, плескались о каменные стенки мола волны. Густая южная темнота укрыла холмистые побережья и глянцевую воду, рыбачьи фелюги, домики уснувшего городка, разбросанные по угорью.

Прогуливаясь, мы разговаривали со старожилом города Кицосом Макрисом. Он страстный и неутомимый собиратель старины. Его интересовало, как помогают фольклористам в Советской стране, как поставлено там музейное дело.

— У нас каждый любитель народного фольклора предоставлен самому себе,— с грустью сказал Макрис.

На личные средства он создал в своей квартире небольшой музей. Во время землетрясения дом, в котором жил Макрис, был разрушен, но почти все древности, собранные им за несколько лет, к счастью, уцелели. Мы обещали побывать у него в гостях.

Но с утра еще предстоял визит в Неа Ионию.

...По радушному греческому обычаю, гостей приветствуют не возле дома, а выходят далеко навстречу.

Члены муниципалитета встретили советскую делегацию у моста, соединяющего Неа Ионию с Волосом.

Мы выбрались из автомашин и направились к мэрии пешком. Вдоль улиц на узеньких тротуарах и на тщательно подметенной мостовой стояли группы людей с букетами цветов, молодежь, чистенькие, по-праздничному одетые старушки. Все приветливо машут руками, аплодируют.

К Сулименко подбежала хрупкая черноволосая девушка, протянула цветы и, не справившись с волнением, заплакала. Ее зовут Погона Тикоглу. Приветствовать гостей у границы города и поселка девушке поручила молодежь.

Лица людей, высыпавших на улицы из тесных жилищ, радостные и возбужденные. Вот, высоко подняв над головой руки, хлопает в ладоши полный усатый мужчина. Там, соскочив с велосипеда, продирается сквозь тесную толпу шустрый подросток с черными озорными глазами. Он чуть опоздал и кричит что-то восторженное уже вдогонку. Рукоплескания становятся еще более дружными.

Перед зданием мэрии от толпы отделяется нарядно одетая молодая женщина.

— Пусть наша дружба расцветает, как этот цветок! — восклицает она, вручая Сулименко хризантему.

Сула Колару, так зовут женщину, захотела сделать этот подарок от своей семьи. Ее вознаграждают одобрительными возгласами.

Рыбаки на берегу Эгейского моря.

В маленькое помещение набивается столько желающих послушать нашу делегацию, у открытых дверей и возле окон толпится так много народа, что хозяева и гости вынуждены выйти на ступеньки мэрии...

Теплота, искренность, которые вообще проявляют в Греции к советским людям, сопутствовали все время и ростовской делегации. Ей пришлось остаться в Неа Ионии и в Волосе на следующие сутки, потом еще на день. Приглашений побывать на фабриках, у табачников, рыбаков, торговцев было столь много, и они выражались в такой настойчивой форме, что не задержаться было просто невозможно.

«Правда суда не боится»,— гласит мудрая пословица. Достаточно было так вот запросто встретиться людям из Советской страны с простыми тружениками Греции, чтобы тотчас убедиться— в который раз! — что доллары, щедро отпускаемые на «холодную войну», на разжигание вражды и ненависти между народами, вкладываются в малорентабельное дело...

В воскресный день Кицос Макрис в условленное время заезжает за нами, и мы отправляемся смотреть его «домашний музей».

Такси — подержанный «шевроле», окрашенный в яркий канареечный цвет,— сразу сворачивает с набережной и, кружа тесными переулочками, подпрыгивая на ухабах, везет нас куда-то к городской окраине.

Теперь мы видим потрескавшиеся, а то и вовсе разрушенные дома, кучи щебня и мусора, оставшиеся после землетрясения, строящиеся кое-где домики.

Узнаем, что жителям Волоса, пострадавшим от стихийного бедствия, были обещаны денежные пособия на ремонт жилищ или на новое строительство, но суммы эти незначительны.

— Я лично получил десятую часть денег, которые нужно затратить на домик, — сказал Макрис. — Но у меня хоть есть коекакие доходы...

Кицос Макрис владеет небольшой типографией. Это дает ему возможность заниматься исследовательским трудом и, что для него особенно важно, издавать свои книги и альбомы. Распространяет их Кицос среди поклонников старины бесплатно.

Мы узнаем также, что жена Кицоса служит в местной фотографии и ее заработок — небольшое подспорье в том деле, которому супруги посвятили жизнь.

Нам очень по душе пришлась эта скромная молодая чета, бескорыстно предоставляющая туристам и своим землякам для ознакомления и изучения предметы народного творчества, которые им удалось разыскать и собрать с большим трудом.

Новый домик, который Макрисы строят по своему проекту и чертежам, предусматривает не столько личные удобства хозяев, сколько возможно лучшую планировку для размещения музейных экспонатов.

Жена Кицоса, Кивели, невысокая стройная женщина, встречает нас с трехлетним сынишкой на руках.

В первой комнате, которая служит хозяину рабочим кабинетом, нет ничего, кроме письменного стола и нескольких деревянных табуреток. Гладкие, недавно оштукатуренные стены увешаны старинными гравюрами, иконами древнего письма.

Кивели, такая же опрятненькая, как и небольшие комнатки, за которыми она смотрит, ставит на стол флягу с ликером, греческие сласти и, выразив сожаление, что не может участвовать в беседе, прощается. Ей надо идти на службу.

Мы просим хозяина немного рассказать о себе, о своей работе.

— Может быть, я прежде покажу вам свои богатства? — говорит он с застенчивой улыбкой.

До самозабвения влюбленный во все эти старинные гравюры, крестьянские одежды, пастушьи посохи, лампады, наш хозяин сияет, замечая, что та или иная вещица рассматривается гостями с интересом.

Ему исполнился двадцать один год, когда была издана его первая книга. Она посвящена жизни и творчеству народного греческого художника Феофелоса. Теперь Кицос Макрис — автор шести книг. Последний его печатный труд, о старинной одежде, он размножил в своей типографии в трехстах пятидесяти экземплярах и сто из них уже раздарил.

Не так давно Кицос Макрис прочитал на международном конгрессе доклад об изучении Византии. Ему удалось установить контакт с учеными Франции, Италии.

— Очень хочется подружиться с советскими фольклористами,— сказал Кицос.— Я признателен вашей Ленинской библиотеке. Когда я попросил выслать мне нужную литературу, она быстро откликнулась на просьбу.

Энергия и работоспособность Кицоса Макриса поистине удивительны. Несмотря на то, что коллекционированию он может уделить лишь немногие часы своего досуга, им собрано двести уникальных предметов прикладного и декоративного народного искусства. В его альбомах свыше пяти тысяч фотографий и зарисовок.

В домике, который и впрямь стал общественным музеем, есть что посмотреть. Вот старинная настенная роспись деревенского жилища. Оно было разрушено во время землетрясения; Кицос и его жена бережно извлекли кусочки стен из развалин и восстановили рисунок.

Затейливые крестьянские вышивки, ткани... Вот целый набор украшенных резьбой пастушеских посохов со свистками... Старинная лира... Фляга времен турецкого ига; на ней выгравировано: «За ваше здоровье, друзья!». Пряники из теста и сахара, так называемые «коконанас». Каждый пряник — маленькое произведение народного искусства. Веретена, игрушки, металлические предметы домашнего обихода с тончайшей резьбой.

Каждый предмет, разысканный Кицосом и бережно сохраненный им для истории,— свидетельство большой художественной одаренности народа.

Знакомство с Кицосом Макрисом помогло понять очень многое в интеллектуальной жизни современной Греции.

Мы не раз встречались с греческими писателями, композиторами, артистами. Большинство их испытывает те же трудности, что и Макрис: их деятельность протекает вне творческих коллективов, общественного внимания и помощи. И, живя зачастую впроголодь, с трудом добывая средства к существованию, они — каждый в одиночку — борются с тлетворным влиянием Запада, стремятся возродить национальную культуру, народное искусство...

Но вот мы вспоминаем, что воскресенье — единственный день, когда наш любезный и гостеприимный хозяин может сесть за свои рукописи, и начинаем прощаться. Кицос, взяв за руку сынишку, выходит к калитке, чтобы проводить нас.

Мы еще раз оглядываем его недостроенный двухэтажный домик из дикого камня, с плоской крышей и со старинной верандой. Перехватив наш взгляд, хозяин говорит:

— Приезжайте, когда все будет закончено. Мы постараемся раздобыть еще более интересные вещи...

В нашей памяти он таким и остается — высокий и статный, стоящий у своего домика-музея с несколько смущенной улыбкой. Скромный человек, делающий для своего народа благородное дело...

ПО ГРЕЦИИ

Фото А. Новикова.

В горах Аттики.

Развалины древнего Коринфа.

На побережье Эгейского моря.

Город Пирей

Уличная торговля в городе Волос

На берегу Коринфского залива.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ПОДСТАВНОЙ ЖЕНИХ

Рассказ

Василий РАДИН

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Играли свадьбу у Казаевых. Просторный сосновый пятистенок гудел от музыки и танцев. Два местных баяниста, забыв свои распри, соревновались с приезжим лейтенантом авиации, владельцем аккордеона. Плотные девчата отстукивали польки и краковяки с такой силой, что половицы играли под ними, как доски сельского моста под проезжими грузовиками.

Все были одеты по-городскому: в цветастых шелках, в туфлях на высоких каблуках. Невеста во всем белом сидела в красном углу бережно, как в стеклянном платье. На крики «Горько!» она чуточку наклонялась к жениху, словно желая лишь чокнуться краем пунцовой, круглой щеки.

Честь этому дому оказал тракторист Ягров, недавно демобилизованный танкист, приехавший в Мордовию с Украины, уверенный в себе молодой человек, ездивший всюду на своем мотоцикле — даже купаться и в лес за грибами. Многочисленная родня невесты не ударила лицом в грязь — закатила свадьбу на славу! На столе сладкие вина — все, что были на витрине раймага. Пили из бокалов, купленных по этому случаю. По-старинному — ковшами, с подобающими присказками — подносилась только пуре, знаменитая брага.

На видном месте красовалась высокая долбленая кадушка — фамильный гардероб. Из нее перевешивались напоказ не домотканные холсты да полотенца, а всё отрезы шевиота да бостона вперемежку с переливчатыми шелками.

Приданое было не родительским; невеста приобрела его сама, этими вот сильными руками, смирно лежащими поверх белого платья. Немало потрудились они, создав необыкновенными удоями славу колхозу и его лучшей доярке.

Жених, в новом коверкотовом костюме, при значках и медалях, сидел, гордясь собой, своей избранницей, своим посаженым отцом — директором МТС.

Ему было особенно лестно, что директор знал его еще беспризорным мальчишкой, потерявшим родителей в дни оккупации, и теперь видит, чего он достиг.

Всем любо на свадьбе, всем весело. Особенно колхозному конюху деду Архипу. Он вырядился не по-старинному — в белую рубаху с красной каемкой, — а в галифе и френч бывшего буденновца и, поднимая вверх седую бороду, вопреки обычаю возглашал: «Сладко!»

И все смеялись.

А он, проследив озорным глазом за поцелуем молодых, обнимал директора МТС и громко шептал ему на ухо:

— Хороши, а? Что он, что она завидных кровей! Улучшат людскую породу, с полным пониманием говорю. Выпьем за молодое дело, сват! Пусть будет горькая в этом доме только водка!

Сват уже выпил, ему довольно. И, замечая это, председатель колхоза Ваньшин, молодой человек в очках, останавливает Архипа:

— Кум, кум, ты свата не неволь. Не нарушай принципа: каждому по потребностям... При чем тут горькая, может, ему портвейн или вот пуре?

Окончив педагогический институт по историческому факультету, он мог остаться в городе, но недавно по призыву партии вернулся в родные края, чтобы возглавить крупный колхоз. Его «конек» — полновесные трудодни. Ему хочется поделиться с директором МТС отличными результатами, но Архип все мешает.

— А я тебе говорю, улучшат, от вольной любви красота родится, ты не оспаривай!

— Да я и не спорю.

— И не оспаривай, мордва — народ честный. Плохой кусок гостю не подложим, лучше сами съедим. Так-то, сват, видал, названому сынку какую суженую выдаем! Хорошему человеку какую-нибудь заваль не подсунем!.. Нет, девка — первый сорт, вся в мать, обрати внимание!

Директор уж обратил и удивился. Мать невесты, женщина далеко за пятьдесят, поражала своей статью. Ее лицо было привлекательно и моложаво. Только две скорбные морщины по углам рта придавали ему суровость, да портил высокое чело какой-то шрам от рваной раны.

А вот старшие ее дочери отталкивали своим уродством. Узкоплечие, подслеповатые, они, подгуляв, вели себя глупо. Как дурные, не вовремя вскрикивали куриными голосами, вздумав подпеть музыке, и мать вздрагивала и поеживалась

И видя, что директор на них посматривает, Архип усмехнулся:

— Гляди, сват, смотри да смекай — вот подтверждение правила: от подневольной любви и плод дурной, а от вольной волюшки красота родится! Вот тебе сестры, а какая разница: Дуся и есть дуся, а эти, — одним словом, тьфу!..

— А почему это так, действительно? — смущенный его громким восклицанием, спросил директор.

— Эх ты, свадебка, а ведь сиротская! Пей, ешь, веселись! Гармонисты, барыньку! — Сорвавшись с лавки, Архип прошелся по кругу и, заведя веселье, вернулся на место.

— Тут, сват, целая история... Сколько всего пережила бывшая председательша наша, Прасковья Семеновна! Все испытала: и бабью неволю и пламенную любовь. От этой неволи — ее старшие дочки, а от этой любви — ее младшая, Дуся... Прислала к нам партия рабочего, двадцатипятитысячника, слыхал? Встал он на квартиру к активистке Проске. Ну и, как водится, кулаки задумали его убивать. Постучались и говорят: «Проска, открой, свои». Приоткрыла она дверь-то спросонья, глянула, а «свои»-то с топорами да с обрезами!

Она дверь на себя. Да какое! Один кулачина валенок уже в щель просунул, а те, что за ним, гудят: «Отойди, цела будешь». А она вцепилась в ручку двери, как клещ, и кричит: «Вася!» Первый раз его так назвала, а дотоле все: «Василий Иванович».

Вася проснулся, за наган. Смотрит, а Проска вся в крови у двери стоит. Кулаки ее и по руке ломом бьют, кость перешибают, и по голове бить норовят... А она их не пускает. Вот с тех пор он и полюбил ее от всего сердца. И от душевной любви родилась у них красота эта — Дусенька...

Гуляй! — тут же крикнул Архип. — Сладко! — И, насладившись действием этих слов, опять обратился к директору: — Нет, не спорь, породу улучшат. Ты смотри на мать, хороша была, у-ух хороша! А дочка-то лучше... А внуки пойдут еще лучше! На старших девок не смотри... Молодость, что ли, вспомнить, со свахой под музыку, что ли, пройти? Эй, музыканты, давай нашу старинную — «Дядю Самсона»!

Но оказалось, что ни счетовод, ни тракторист старинной плясовой не игрывали, про летчика и говорить нечего.

Старику не терпелось сплясать, и, выскочив из-за стола с криком: «Я музыку найду!», — он пробил себе дорогу в плотной толпе любующихся свадьбой односельчан, набившихся в открытых дверях избы.

— Этот найдет! — улыбнулся председатель колхоза. — За нудийщиком побежал!

— За кем? — поинтересовался директор.

— За Миколем, наверно... Есть тут один старик, который на старинном инструменте играет. Дудочка такая берестяная, а в нее вставлена камышинка, и представьте себе...

Но тут среди родни невесты возникло тревожное движение, шепот.

— Спорят, стоит ли этого Миколя звать,— прислушался председатель...— Не любит его Прасковья Семеновна, ведь между ними неладно...

— А почему же? Надо что-нибудь и местное, национальное,— сказал директор.

— Старина тоже любопытная бывает,— поддержал местный учитель.— Пусть зовут Миколя. Конечно, среди старых обычаев не все плохие. Вот когда-то у мордвы был такой сватовской обряд. Чтобы прийти на помолвку к своей девушке, жених должен был пробиться сквозь строй парней целой улицы. Он идет, а его не пускают. Сбивают с ног, оттаскивают. Если ты слабосильный, золотушный,— какой же ты муж? Мужчина должен быть, как того сам корень слова требует.

— Жестокий обычай.

— Естественный отбор,— сказал председатель голосом сведущего историка.

— Ну, это когда-то,— возразил учитель. Утомившись после танцев с бывшими ученицами, почтившими его приглашением на вальс, он присел, обмахиваясь платком, рядом с директором.— Потом это выродилось в простую шутливую возню в снегу. Зимой обычно сватались. И, кроме того, сильным стал оказываться богатый, денежный. Кулак за своих сыновей и подставных рекрутов нанимал и подставных женихов покупал.

— Да это как же так, подставных? — удивился директор

— А вот хотя бы так, как было с нашей хозяйкой, матерью невесты, уважаемой тетей Проской... Вы ее истории не знаете?

Председатель подтолкнул в бок учителя, чтобы не при женихе было сказано, и мужчины втроем вышли в холодные сени покурить на свежем воздухе

— Первый-то раз нашу Прасковью Семеновну насильно ведь замуж отдали,— закуривая из директорской пачки хорошую папиросу, сказал учитель, старый, темный лицом и худой, как высушенный гриб.— Были у нас тут «конопельные» кулаки Гунявины. Конопельное дело то мокрое, то пыльное. Ну и ревматизм, чахотка в роду были у богатеев. А как по торговлишке коноплей по городам пошли, так еще и дурную болезнь в свой род заполучили, от которой трахома. Ну и в последнем колене выродились. Один сын был у Гунявина, и тот гниленький... До семнадцати лет по улице с подростками бегал, дохлую крысу в лапте катал.

Вот этому-то «жениху» и выглядели ястребиными своими глазами старики Гунявины невесту. Первую на селе раскрасавицу, здоровую, сильную Проску. Этакое красное солнце — в темный свой дом.

Но как заполучить ее? Вольной волей девушка за урода сопливого не пойдет. Родители ее не богаты, но и не бедны, самостоятельные крестьяне, насильно дочку замуж не выдадут. И тут пришел им на помощь старый обычай: уводить девок уводом. Тогда считалось, если девушка с парнем в бане переночует,— значит, ему и жена. Должны за него отдать. Это самое крепкое, когда домовые да лешие повенчают... Попов ведь наша мордва не очень уважала. Не так давно и насильно была крещена.

Как же выманить девушку из дому да заманить в баньку? Вот тут и оказалось, есть и на такое дело умельцы.

За деньги тогда иные удальцы и в солдаты шли и в остроги садились. Были у нас и лесные разбойники, были и добрые молодцы — подставные женихи. Парни смелые, красивые, для женского пола неотразимые. И славился среди них один, как среди охотников охотник. Вот к нему-то и обратились Гунявины. Согласился. Дорого взял: слишком уж жених плох, а невеста больно хороша.

Все произошло честь по чести. Принимая залог, клятву он дал, что выманит невесту для ихнего жениха, и как подведет под венец, так и деньги сполна.

Рукобитье кончено, дело слажено, гульнул подставной с товарищами и приступил к девушке с обманом. Она-то, бедняжка, не знала, что явился перед ней ястреб, прикинувшись голубем. Постучался в метель: пустите, мол, проезжего погреться. Покрасовался своей статью, тряхнул кудрями, добился свидания.

Ну, а выманив на свидание, подхватил девоньку в сани да и помчал в жаркую баню Гунявиных, в чужое село.

Проска сердцем трепещет, к милому доверчиво прижимается: скоро ведь ее мужем будет. А он, змей, только посмеивается в бороду: ему обманывать девок не впервой. В предбаннике спрятанный дурень сидит, ждет...

Примчал обольститель Проску к темной баньке, втолкнул в низкую дверь, захлопнул, а сам в сани, кнутом по коню, и был таков.

Почуяла недоброе, подкосились у девки ножки... А навстречу ей страшный урод: золотушная кора на роже... Упала на хрусткую соломку. И тут набежали приготовившиеся к случаю бабенки, вдовенки, всякие старушонки. В пустые ведра звонят, в худые чугуны колотят, дырявые горшки с размаху об углы бани бьют. Сами хохочут, бесстыдствуют, напугавшегося дурня из предбанника выволакивают, а за ним несчастную Проску.

— Венчать их! — кричат.— К попу, в церковь, скорей грех прикрыть!

Не успела опомниться девушка, тут тебе и кони в лентах и сани в коврах. Богатый свадебный поезд наготове был.

Мчатся тройки к церкви. Кучера, шафера, сватья, кумовья — все пьяно. Дьячок пьян, пономарь пьян, поп едва на ногах стоит — повалился бы, кабы под локти не поддерживали. Одна невеста трезва, только в обмороке.

Выхватили девушку из саней гунявинские работники, как пушинку, втащили в церковь, там подхватили ее под руки ловкие бабы и бесчувственную подсунули к алтарю.

Прочел, прогудел поп что полагается.

— Люб ли тебе жених,— спрашивает,— согласна ли, раба?

— Люб! Люб! Все видали, как в бане согласна была, на соломе вместе лежали! — заорало пьяное бабье.

Надели ей на голову венец, сунули ее руку в руку жениха, и тут вдруг опомнилась Проска. Глянула и чуть со страху не померла: стоит с ней рядом под венцом кривобокое чучело, гунявинский последыш.

— Оборотень! Оборотень! — закричала бедная дурным голосом, забилась, как порченая.

А гунявинские не зевали: под руки да вокруг аналоя... Так силком и окрутили.

Губитель ее, получив немалые денежки, с неделю все гулял, бражничал, и заметили товарищи, что-то все грустные песни пел.

И впрямь не к добру. Не привилась в чужом гнезде краденая невеста. Руками и ногами отбивалась, ногтями царапалась. Напугался ее муженек, аж и с ним родимчик приключился. Гунявины и колдунов звали, и знахарок приводили, и даже поп ее еще раз отчитывал, в церковь за косы сволочили. Ничто ее не берет. В уме повредилась. Несуразные слова кричит...

А Гунявины не отступаются: дескать, обойдется... Сам старик, сивый леший, ее обхаживает.

Начала она затихать, а тут вдруг увидела в окошко своего похитителя. То ли недополучил он с Гунявиных, то ли его, разбойника, на место душегубства потянуло. Прокрался он к дому Гунявиных, а она, в одной рубашке, босая, выскочила из горницы да на грудь к нему. Да под тулуп спряталась и кричит: «Гони!.. Родненький мой... Не выдавай, не казни».

Ну, конечно, вернул он ее законному мужу. Только ненадолго. Вскорости еще раз к нему на ярмарке в трактир забежала. Опять обратно доставил ее прямо за косы. А в третий-то раз она избенку его нашла и прямо к нему на печку.

Явились за ней гунявинские с кнутами, с батогами, в двери стучатся, а она ему шепчет:

— Милый ты мой, защита моя!.. Разве у тебя робкое сердце?

— Открой,— кричат Гунявины,— а то худо будет!

— Это мне-то худо, ну-ну!— отозвался наш «подставной» и взял в руку кистень... Парень-то хват был.

Вся деревня на этот шум сбежалась, как гнал он Гунявиных. Чуть головы не посшибал. Зашиб бы которых, кабы не его же товарищи. Осмирили его, взяли за руки. Собрались вокруг и урезонивают:

— Ты чего же это обычай рушишь, зачем проданный товар купцу не даешь? Бесчестно! Охулку на нас кладешь! А ну,— говорят,— завертывай беглянку в свиту, мы ее сейчас обратно отомчим!

Сидит бедная Проска на печке, все это слышит, и на горячей печи ее лихорадка бьет.

— Нет,— отвечает он товарищам,— не будет по-вашему. Зря вы стараетесь. О чем уговаривались, я все выполнил. Сдал товар купцу на руки, поп ту сделку венцом скрепил перед всеми святыми угодниками. А уж беречь чужой товар я не нанимался. На то у них собак свора да свора работничков! Не сумели уберечь, пусть на себя и пеняют!

Вот какие речи повел.

— Опомнись,— говорят ему прочие подставные женихи,— Гунявины тебя со свету сживут.

А он хлопнул шапкой об пол.

— Эх,— говорит,— была не была! Не все первый кусок богатеям. Скольких я девушек в чужие руки сдал, неужто не могу одну и себе высватать, что по сердцу пришлась!

— Угомонись, — говорят, — блажишь, парень!

— Блажу? Ой, блажу, други-недруги. Запрягайте коней. Не жалейте бубенчиков. Подставной жених хочет сам свадьбу играть!

Отступились от такого дела товарищи.

А он запряг своего резвого конька, обрядил Проску в материнское заветное приданое и говорит ей:

— Бежим, суженая моя, в сибирскую мордву. Там тайга велика и нас скроет...

Да не удалось ему добраться до таежной мордвы: на мосту через Суру как раз его и перехватили... Теперь кистени у Гунявиных в руках были... Не иначе, случился среди своих доносчик...

Учитель не окончил рассказа. Явились Архип с нудийщиком. Архип ввел в горницу старика, одевшегося на свадьбу в старинную белую рубаху, с узорной каймой по подолу, с вышитой каемкой по вороту.

— А вот и Миколь пришел. Теперь спляшем. А ну, «Дядю Самсона»! — заказал Архип и, хватив ковш пуре, первый пошел в пляс, не дожидаясь музыки.

Старик-нудийщик, не то слепой, не то окривевший, не без труда вынул из кармана непослушными, как-то странно вывернутыми в запястьях руками небольшую берестяную дудочку и, приложив к бледным губам, заиграл.

Звук был не силен, но сразу все стихло: он поражал своей необыкновенной чистотой.

— Обратите внимание,— сказал учитель,— этому инструменту тысяча лет... Его изобрели, когда, кроме камыша да бересты, других материалов не было...

Расправив седую кудрявую бороду, старик покрепче сжал дудочку сухими губами и заиграл плясовую.

Мотив ее был здесь знаком, и гости захлопали в такт, приговаривая:

Дядя Самсон, куда ходил?
Старенький, за чем ходил?

А дальше пелось о том, как сватал Самсон рябую девку, которая ни прясть, ни ткать, ни рубах чинить, — только пить, да есть, да со всеми спать горазда.

Песня была совсем не смешная, только мотив задорный, и старики со старухами плясали под него резвей молодых. Когда умаялись, попросили Миколя сыграть что-нибудь душевное.

Старик зябко повел выпирающими из-под холщовой рубахи лопатками, тряхнул сухими, словно пыльными, кудрями и заиграл. Он то втягивал и без того впалые щеки, то надувал их, как меха, не быстро перебирая по бересте кривыми пальцами; и ущемленная в бересте тростинка пела таким трепетным голосом, что сам музыкант крепко сжимал веки. Не за плату, не на потеху играл он, не видя толпы. Он о жизни загубленной рассказывал кому-то самому близкому, да о такой, что простыми словами не поведать.

Даже счастливый Ягров задумался. Директор почувствовал, как у него пощипывает в носу и спирает дыхание от музыки этой мор-

довской жалейки. В избе наступила такая тишина, что стало слышно, как посапывает разморенный с дороги летчик. Перестав перебирать клавиши, он мгновенно заснул, положив на аккордеон русую голову.

Только учитель, не успевший досказать стародавнюю историю, все еще пытался довести до слушателей печальный ее конец:

— Жестоко расправились гунявинские с подставным женихом, захотевшим стать настоящим. Глаза кнутами выхлестали. Ребра пообмяли, как на дереве ветви... Руки поломали, пальцы повывернули... И в таком виде жить оставили. Сами в больницу свезли: изувечен, мол, буян в пьяной драке... Что же касается невесты...

Он не досказал. Музыка в горнице прервалась вдруг болезненным криком. Гости вскочили с мест. С лавки на пол повалилась сама хозяйка, Прасковья Семеновна.

— Что с вами, мама?! — бросилась к ней молодая.

Старухи обступили женщину, размахивая над побледневшим лицом ее цветастыми шалями, как веерами.

— Зачем Миколя привели? Говорили: не надо! — зашипели, зашикали они на Архипа.— Хозяйку в болесть ввел!

И смущенный Архип стал выпроваживать покорного, неупирающегося музыканта.

— Ахти мне, вот выдумал «Дядю Самсона»! — все сокрушался Архип. — Такой скандал на свадьбе...

— А что случилось, почему она так расчувствовалась? — спросил директор.

— Э, сват,— сокрушенно ответил Архип,— допустил я оплошку спьяну... Заставил человека самое горькое вспомнить, свою старинную свадьбу. Привел этого нудийщика — Миколя... Думал, между ними давно прошло, травой поросло, ан такое, знать, вовек не забывается.

— Да в чем дело-то?!

— Обманул он... Ее, невесту свою, Проску, за деньги продал... Вот как!

Прасковью Семеновну отнесли на кровать молодых, дали ей ландышевых капель, и веселье продолжалось. Летчик на шум этот проснулся и с новой силой, отдохнувши, взялся за аккордеон.

— А ну давай, молодежь!— с наигранным задором крикнул Архип, вылетая вприсядку и задавая тон новому веселью.

Пятистенок загудел и задрожал: снова пошли танцы.

Веселые школьницы подлетели к учителю, приглашая на вальс. Он со смущенной улыбочкой извинялся перед директором:

— Простите, что старину вспомнил некстати...

Директор вдруг очутился в объятиях Архипа, зашептавшего ему на ухо:

— Выпьем, что ль, за молодое дело? Возрадуемся, сват... Что приуныл? Ай завидки берут?

Но директор не завидовал: он уже своих сыновей поженил и дочерей замуж повыдал. И теперь странные мысли обуревали его. О том, что слишком легко нашим молодым достается счастье. Приходит запросто, без страдания, без борьбы. Оттого и ценится иной раз мало. Чуть что — развод, не сошлись характерами... Ну, а что же делать? Жизнь теперь иная. Не задавать же, как в сказке, нашим женихам задачи: ты, мол, вначале покори Ангару или освой целину, а потом и сватайся к девушке. Смешно, конечно. Старомодно. А что-нибудь такое надо бы!..

Поддаваясь ласкам Архипа, директор потягивал старинную брагу и приятно хмелел.

А виновник неприятного происшествия на свадьбе, нудийщик Миколь, забравшись на печь в своем жилье, долго еще наигрывал для себя на берестяной свирели, вспоминая неудавшуюся жизнь. Этот изувеченный богатырь и красавец остался бобылем, прожил век у чужих людей, в чужой хате, не дав потомства. На свадьбах да на гулянках и зарабатывал он своим искусством... Мог иметь и свою семью.

Но не тронул его сердца никто, кроме Проски. Крепким замком замкнула его одна-единственная любовь

Перевел с эрзя-мордовского
Николай **БОГДАНОВ.**

2,5 миллиона кадров в секунду

Электрнческая лампочка неожиданно ярко вспыхнула — и погасла: перегорел ее волосок. Неуловимый миг длилась вспышка, а перед нами — четыре фотоснимка последовательных фаз этого
последовательных фаз этого
явления. Их успела сделать сверхскоростная фотоустановка «СФР».

Что может быть мгновеннее молнии, искрового разряда, взрыва? «СФР» успевает заснять развернутую картину и этих процессов.

Снимки ошеломляют: ведь фотографируется не предмет, а явление. Это словно какое-то сверхскоростное кино, позволившее нам заглянуть в мир быстродействующих процессов, подобно тому как микроскоп дал возможность проникнуть в мир бесконечно малых предметов. Создана эта замечательная установка коллективом сотрудников Института химической физики Академии наук СССР под руководством Г. Л. Шнирмана, А. С. Дубовика и П. В. Кевлишвили. Она дает возможность снимать с частотой 2,5 миллиона кадров в секунду. Чтобы просмотреть столько же кадров в обычном кино, потребовалось бы больше суток! Ведь в кино мы успеваем за 1 секунду увидеть лишь 24 кадра.

За счет чего же достигается огромная скорость съемки? Может быть, с фантастической быстротой двигается фотопленка? Нет. Она неподвижна. Действие установки основано на принципе так называемой зеркальной раз-
называемой зеркальной раз-
вертки.

Сверхскоростная фотоустановка

Изображение, пойманное объективом, не сразу падает на пленку. На его пути вращающееся зеркало. Оно делает 75 тысяч оборотов в минуту. Пучок света, отраженный от зеркала, составляющий изображение объекта, с большой скоростью скользит по пленке.

Фотоустановка может служить фоторегистратором. В этом случае она дает непрерывную фотографию быстро протекающего процесса. Заменяя некоторые части установки другими, можно снимать отдельные последовательные кадры с частотой до 2,5 миллиона кадров в секунду.

Внешне фотоустановка «СФР» — солидный прибор, более двух метров в длину. Он размещается на большом столе, хотя сама съемочная камера невелика. Рядом с камерой устанавливается пульт управления. К прибору прилагаются три съемных передних объектива.

Фотоустановка «СФР» дает ученым подлинную картину тех мгновенных процессов, о которых до сих пор приходилось судить лишь предположительно. Так, например, фотография горения газов позволяет видеть, как распространяется фронт пламени, а значит, разработать способы тушения пожа-
тать способы тушения пожа-
ров, подбирать наиболее выгодные режимы работы двигателей автомобилей и самолетов, лучшую форму камер сгорания. По фотографии взрыва можно судить о том, каков характер взрывной волны, в течение какого времени она распространяется, какой она занимает объем, как отражается от преграды или как разрушает ее. Сравнивая фотографии различных взрывов, можно лучше подобрать соответствующее взрывчатое вещество для горных работ.

Знание характера распространения искрового разряда облегчает проектирование высоковольтных установок и высоковольтных линий передач. Высокоскоростная фотография искрового разряда позволяет понять природу молнии и правильно проектировать грозозащиту. Импульсные источники света, имеющие большое значение в технике, также могут быть изучены при помощи «СФР».

Сейчас промышленность освоила выпуск приборов «СФР».

А. СМИРНЯГИНА

ЗЕЛЕНАЯ КНИГА ПОЛЕЙ

Вышел сборник стихов и поэм Николая Рыленкова. В книге около двухсот произведений, написанных с 1927 по 1954 год.

Одно из стихотворений переносит нас в лесной уголок Смоленщины, к старинному дому. Поэт вспоминает о том, как деревенским подростком он переступал порог этого барского дома и не мог удержать волнения: его предков «учили» здесь розгами, а он пришел учиться в школу. Через небольшой эпизод Рыленков умеет показать большие исторические перемены. Лирическая передача темы наиболее характерна для поэта. Даже его исторические стихи звучат, как лирика. Среди них особый интерес представляет стихотворение «Левитан». Способность передать душу природы — вот что ценит автор в художнике и к чему стремится сам. Легко и свободно читает он «зеленую книгу полей». Его проникновенные пейзажи исполнены трогательной любви к Родине, в них слышится радость человека, ставшего хозяином своей земли:

Все для нас в этом мире просторном,
Где, за солнцем идя по пятам,
Набухать помогали мы зернам,
Вырываться из почек цветам.

Рыленков тонко чувствует поэзию труда. Он воспевает искусство бочара, плотника, садовника. Сама природа трудится в его стихах: «Молодые яблони в подолах яблоки на пробу принесут!» Из тружеников села, пожалуй, наиболее удачны женские образы. Елена, Аленушка, «девчонка-егоза» из известной песни «Ходит по полю девчонка» — все они полны красоты и обаяния, а главное — у них золотые руки.

В стихах Рыленкова преобладают светлые, жизнерадостные тона; даже грусть, и та как роща в золотую осень. Удивительно задушевны его стихи о любви:

Мне глаза твои в душу глядели,
Голос твой провожал меня в бой,
Чтоб однажды в туманном апреле
Мог я встретиться снова с тобой.

Поэту абсолютно чужда пустая, холодная риторика. Его живые, одухотворенные образы радуют меткостью, яркостью. В них он выражает и тончайшие оттенки чувств и большие сдвиги в жизни страны. Язык поэта точен и краток, а стих невелик по объему. Простота, выразительность и напевность — результат благотворного влияния народно-песенной поэзии.

Рыленков в расцвете творческих сил. Ему предстоит идти вперед. И хочется верить вместе с ним, что песня лучшая его еще не спета.

Н. СИМАКОВ

Николай Рыленков. Стихотворения и поэмы. Москва. Гослитиздат. 1956. 335 стр.

Гоня время вперед...

Чтобы исчерпывающе сказать о Валентине Катаеве, нужно было бы действовать сообща, по крайней мере, всемером: прозаику-беллетристу, поэту, драматургу, детскому писателю, литературоведу, журналисту и художнику-живописцу. Причем я, пожалуй, первое слово уступил бы живописцу.

Среди современных наших литераторов у немногих слово обладает такой мощной светосилой, способностью передавать тончайшие оттенки цвета, глубину пространства и рельеф любых форм, как у Катаева. Люди, пейзаж, предметы в книгах Катаева всегда ярко освещены — даже если дело происходит в катакомбах,— они высвечены как бы изнутри оптически точным словом, позволяющим вскрыть существо образа. И как бы ни были ярки краски, сколько бы света ни заливало страницы его книг, Катаев остается во всем верен жизни. Он художник-реалист. Свет, которым он так щедро наделяет все, к чему прикасается его перо,— будь то необозримая поэтика моря или сугубо прозаическая солдатская портянка,— это реальный свет живого, горячего солнца.

Кто не помнит ныне уже знаменитой снежинки, которая, залетев в одесские катакомбы, где скрывались партизаны, осталась в сознании читателей и никогда не растает в памяти!

Писатель-беллетрист, прозаик, романист отметит ясное и веселое знание людей, мастерство ведения рассказа, стройность и расчетливость композиции любого произведения Катаева. Ведь не одно уже поколение дружит с Гавриком и Петей — героями его книг.

Поэт отметит поэтический слух Валентина Катаева, который не уступает по точности его художническому зрению.

Энергия живого слова, мастерство языковых характеристик и пленительная стройность композиционных расчетов становятся особенно наглядными, когда слово Валентина Катаева звучит со сцены. Пьесы «Квадратура круга», «Дорога цветов», «Авангард» и авторские инсценировки романа «Время, вперед!», повестей «Растратчики» и «Сын полка» были хорошим подарком нашему театру, взрослому и детскому.

Валентина Катаева было бы, разумеется, неправильно считать «детским» писателем. Но любой из нас, работающих для ребят и юношества, считает Валентина Петровича своим деятельным соратником и одним из самых любимых юными читателями авторов. Катаевский юмор, солнечная живописность его книг, мальчишеская свежесть восприятия, кипучее действие, двигающее сюжеты книг Валентина Катаева, давно уже открыли ему дорогу в школу, в пионерский отряд, в сердце маленького читателя, который не только уже прочел все, что написано о Пете и Гаврике, о матросе Родионе Жукове, о солдате Семене из повести «Я сын трудового народа», о Ване Солнцеве — сыне полка, но и помнит пленительные сказки о дудочке и кувшинчике, о цветике-семицветике, о красавце Дельфине и медузе Кризолите из истории о жемчужине.

Юные читатели знают Валентина Петровича Катаева не только как замечательного писателя, но и как своего старшего друга, редактора журнала «Юность».

Валентину Катаеву исполняется 60 лет. Но он продолжает ездить, работать без устали, по-молодому, гоня «время вперед», раскрывая своими романами перед нашей молодежью революционное прошлое народа, помогая ей решать многие волнующие вопросы и готовя ее к трудному, прекрасному походу в будущее.

Лев КАССИЛЬ

Путевые записки ученого

У советских ученых установилась хорошая традиция: возвращаясь из научных заграничных командировок, помимо статей в специальных журналах, публиковать записки о виденном. Записки эти являются как бы отчетом перед широкой общественностью о природе, культуре и быте зарубежных стран.

Такие очерки всегда читаются с большим интересом. К ним относятся книги профессоров Л. Е. Родина «Пять недель в Южной Америке», Ф. Ф. Талызина «По Ирану и Ираку», М. С. Дунина «По Афганистану, Пакистану, Индии». В минувшем году вышла книга академика А. Л. Курсанова «По Франции и Западной Африке». Автор был руководителем делегации советских ботаников на Восьмом Международном ботаническом конгрессе во Франции летом 1954 года и участником одной из экскурсий, организованных конгрессом, по Западной и Южной Франции и ее африканским колониям Сенегалу и Мавритании.

Простым и хорошим языком Курсанов описывает путешествия по Франции, знакомит читателей с работами конгресса и видными учеными Франции. Мы знакомимся также с Парижем, Версалем, Орлеаном, Ниццей и, наконец, покидаем Францию в Марселе. Из административного центра Французской Западной Африки Дакара путешественники совершают тысячекилометровые поездки по тропической Африке от западной ее оконечности Зеленого Мыса в глубь пальмовых лесов Сенегала, почти до берегов реки Гамбии.

Ученый ведет нас в знойные пустыни Французской Сахары, на Адрарское плоскогорье с сыпучими песками, палящим солнцем и нестерпимой жаждой, заставлявшей выпивать по 14—16 литров воды в день.

Книга открывает суровые пейзажи выжженной пустыни с редкими оазисами, населенными маврами. Много интересных фактов о жизни народа, о растительном и животном мире Западной Африки содержится в повествовании академика А. Л. Курсанова.

Н. ЩЕРБИНОВСКИЙ

А. Л. Курсанов. По Франции и Западной Африке. Географгиз. Москва. 1956. 272 стр.

Живой голос поэта

Немного книг оставил после себя Владимир Замятин, но и то немногое, что им создано, рисует образ светлый, достойный доброй памяти.

Замятин читал нам свои стихи в пронизанной ветром теплушке, идущей к фронту, в окопе, в землянке, на кратком привале в сказочном зимнем лесу. И о чем бы ни говорилось в этих стихах — об Александре Матросове или о маленькой девочке на улице освобожденного польского города,— это были стихи о мужестве, о долге, о чести советских людей:

И проходит
По весенней рани
На бесшумных желтых каблуках
Русая и медленная пани
С девочкою русой на руках.
Вот для них
я брал в бою Варшаву!
Было это будто бы вчера,—
Шла со мной вся русская держава —
Польши вольной старшая сестра.
И медаль лучится гордой славой,
Освещая прошлого пути:
«За освобождение Варшавы»—
У России на груди.

Эти строки не случайно написаны от первого лица: поэт прошел в рядах нашей армии-освободительницы по многим путям войны. Замятин с самого начала Великой Отечественной войны на фронте. Здесь он вступил в партию, здесь формировался его прямой, мужественный характер, здесь сложил он стихи и песни, в которых звучит безграничная вера в победу, в силы родного края.

Лучшие из этих произведений были хорошо известны в армии, а полная лиризма песня «Сыновья» сопровождала воинов во многих походах.

Образно говоря, от первого лица написаны все наиболее удачные произведения Замятина: и песни, и короткие лирические стихотворения, и поэмы «Родное село», «Весна землеробов», и особенно «Зеленый заслон».

С тамбовскими крестьянами, ставшими героями «Зеленого заслона», Замятин познакомился не заочно, не через книги, а лично и очень близко. Сюда, в колхозную Тамбовщину, не раз приезжал поэт; тут он подолгу жил, собирая материал для будущей поэмы. С хлеборобов села Зарница писал он портреты своих героев.

Реальна и обстановка, в которой развертываются события. В одной из глав есть описание засухи, истребившей посевы, навалившейся на колхозные поля вскоре после войны. Это правдивое, реалистически смелое описание. Заканчивается оно гневным словом парторга, обращенным к агроному Васюнину — растяпе и болтуну: «Тебя б сюда в сорок шестом!»

Суровая, напряженная атмосфера, в которой развертываются события, и создает то впечатление жизненности, без которой не может быть реалистического произведения:

Село! —
души моей частица...
Среди предутренней красы
Лежит родной колхоз
«Зарница» —
Село центральной полосы.
Среди весенницы отрадной,
Дымы пуская в высоту,
Среди России необъятной—
У всех народов на виду.

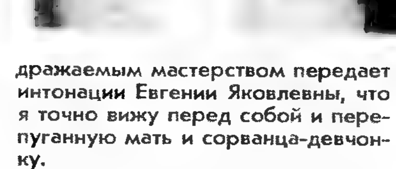
Чувством патриотической гордости за советского человека пронизаны все лучшие произведения поэта-коммуниста. Стихи его — честные, мужественные, сердечные — остаются в строю; мы ощущаем их живое, теплое дыхание.

В. ТЕЛЬПУГОВ

Вечер у Марии Павловны

Н. ПОДОРОЛЬСКИЙ

Фото автора.

М. П. Чехова. Снимок сделан в октябре 1956 года

Когда этот очерк готовился к печати, телеграф принес печальную весть о кончине Марии Павловны Чеховой.

Как будто только вчера поднимался я по скрипучим ступенькам деревянной лестницы Дома Чехова в Ялте, сидел лицом к лицу с Марией Павловной, глядел в ее умные, добрые глаза, слушал ее неповторимую, чеховскую речь. Как будто это было только вчера.

...Комната пронизана светом. Окна в трех стенах, балконная дверь. Балкон не похож на обычный: скорее, это открытая терраса, поднятая на высоту третьего этажа.

Деревья, посаженные еще Антоном Павловичем, за полвека с лишним поднялись выше балкона и заслонили море. Только в просветах между ветвями синеют пятна воды. А было время, когда ничто не скрывало моря и неба от взоров обитателей дома, и весь необозримый горизонт расстилался перед ними.

— Выйдет, бывало, на балкон Антон Павлович,— вспоминает Мария Павловна,— увидит показавшийся из-за мыса пароход и бежит назад к двери: «Мамочка, мамочка, скорее идите сюда! Пароход!». И мы спешим на балкон и смотрим, как из-за горы выходит пароход, плавно разворачивается и пристает к молу. Пароход был событием. Жили мы однообразно, и Антоша всячески старался развлечь мать..

Перед балконом раскинуло свою пышную крону дерево неизвестной мне породы. Какой — постеснялся спросить, чтобы не обнаружить своего невежества. Мария Павловна разглядела на этом дереве массу не то цветов, не то маленьких белых шишечек, и это вызвало у нее радостное восклицание:

— Смотрите, какая прелесть!

Марии Павловне в минувшем августе исполнилось девяносто три года, но краски, звуки, вкусовые ощущения — ничто не было утеряно ею. Остроте чувств Марии Павловны, ее вниманию к жизни, любви и интересу ко всем проявлениям жизни могли позавидовать совсем молодые люди.

Ваза с белыми розами редкой красоты стоит на невысоком шкафу. Проходя с балкона в комнату и отдав дань восхищения розам, Мария Павловна обращается ко мне и говорит: «Знаете, кто мне прислал эти розы? Козловский!»

Иван Семенович Козловский, верный друг чеховского дома, был в гостях у Марии Павловны накануне.

На письменном столе Марии Павловны стоит фотографический групповой портрет. На нем изображена сама Мария Павловна, а по бокам тот же Козловский и Дмитрий Николаевич Журавлев.

— Замечательно читает Чехова Журавлев,— говорит Мария Павловна.— Мне как будто полагается знать наизусть все, что написал Антон Павлович, а каждый раз, слушая Журавлева, я нахожу для себя что-нибудь новое, неизвестное, раскрытое им...

О чем бы ни шла речь в чеховском доме, мысль невольно возвращается к Антону Павловичу.

Придя к Марии Павловне, я застал у нее мальчика лет 12—13, стриженного ежиком. Мальчик сидел на тахте рядом с креслом Марии Павловны. Мария Павловна держала перед ним раскрытую коробку шоколадных конфет и угощала его:

— Бери, Вова!

Мальчик деликатно берет конфету.

— Бери еще... Это Вова,— представляет мальчика Мария Павловна.— Сын нашего врача

Когда мальчик уходит, Мария Павловна смотрит ему вслед, а затем говорит:

— Я не хотела при Вове его расхваливать. Но это прекрасный мальчик, умный, любознательный, скромный. Я теперь собираю книги. Хочу составить для него маленькую библиотечку.

И опять — в который раз! — перед глазами возникает живой Чехов. Как любил он одарять друзей книгами! Сколько труда, сил и средств, уже больной, положил он на то, чтобы создать в родном Таганроге хорошую библиотеку!

— Я самая старая представительница молодого поколения! — говорит о себе Мария Павловна. И столько в этих словах жизненной силы, так естественно и непринужденно звучат эти слова в устах Марии Павловны, так вяжутся со всем ее обликом, что я не могу удержаться и восклицаю:

— Какая же вы были в молодости, Мария Павловна!

— Какая? — повторяет она и смеется.— Бедная мама все жаловалась: «Наказанье мне с Машей. Хуже мальчишки! То на крышу заберется, то на дерево влезет. Ну что мне с ней делать? Упадет ведь, убьется!»

Мария Павловна с таким непередражаемым мастерством передает интонации Евгении Яковлевны, что я точно вижу перед собой и перепуганную мать и сорванца-девчонку.

— А что удивительного? — продолжает Мария Павловна.— Сестер у меня не было, а братьев — пятеро.

Так и росла девочка Маша неизменным участником мальчишеских игр и проделок, поверенным всех мальчишеских тайн.

...Маленький аптечный пузырек, заткнутый пробкой и покрытый гофрированным бумажным колпачком. Пузырек пуст, но крепко завязан. На нем значится: «Дух свободомыслия».

Сбоку сигнатурка: «Аптека высших женских курсов Герье. Госпоже М. П. Чеховой. Втирать по 3 раза в день по чайной ложке. ЯД!» На обороте: «Хранить, остерегаясь, чтобы не попало кому-либо на глаза».

На курсах Герье училась Мария Павловна по приезде в Москву из Таганрога. Конечно, никакой «аптеки высших женских курсов Герье» в природе не существовало. Все сработано руками брата Марии Павловны, художника Николая Чехова, и живо говорит об атмосфере, царившей на курсах.

Стоило заговорить о Николае Павловиче Чехове, и на столе появляется маленькая круглая картонная коробка без крышки. В нее ссыпаны акварельные краски. Тут же сверху лежит палочка черной китайской туши с золотыми письменами. Видно, что и краски и тушь были в деле.

— Это Колины краски,—говорит Мария Павловна.— А это мне Левитан подарил,— продолжает Мария Павловна и показывает плоский металлический ящичек, покрытый черным лаком. В нем тоже акварельные краски, английские, с сохранившейся фабричной маркой: «Ривз и Сыновья. Лондон».

На стене в комнате Марии Павловны висит репродукция с известной картины Левитана «Осенний день. Сокольники». Это первая из работ Левитана, приобретенная Третьяковым для своей галереи. На картине изображена женщина, задумчиво идущая по аллее.

— Эту даму писал Коля,— говорит Мария Павловна.

Николай Чехов был товарищем Левитана по училищу живописи, ваяния и зодчества, и «Осенний день» не единственная работа, выполненная художниками совместно. Через Николая Левитан познакомился со всей семьей Чеховых и стал близким другом Антона Павловича и Марии Павловны.

Мария Павловна вспоминает последний приезд Левитана в Ялту:

— Он приехал совсем больной. Ходил с трудом, задыхаясь, но поднялся ко мне наверх радостный и все повторял: «Черт возьми, Маша! Я опять в дорогой семье».

...Нескончаем поток людей, стремящихся посетить дом, где великий писатель провел последние годы своей жизни.

Мария Павловна подходит к окну, из которого хорошо видны крыльцо и двор, усыпанный скрипучим гравием, и глядит вниз:

— Что, Елена Филипповна, много еще посетителей?

— Да нет уж, Мария Павловна, последняя экскурсия,— отвечает Елена Филипповна Янова, ее заместитель по Дому Чехова и давнишний друг.

Всю свою жизнь Мария Павловна посвятила брату. Долгие годы после кончины Антона Павловича были заполнены огромным трудом по сохранению его литературного наследства, изданию его замечательной переписки, увековечению его памяти, поддержанию в неприкосновенности — «как было при Антоше» — его дома в Ялте. В этом она видела свой долг не только перед памятью великого брата, но и перед родной страной, перед всем миром.

В последние годы Мария Павловна уже не проводила экскурсии, и не всем, кто этого хотел, удавалось повидать Марию Павловну и поговорить с ней: это физически было бы невозможно, столько людей стремилось сюда. Но основательница и бессменный директор Дома-музея А. П. Чехова, как и прежде, вникала во все мелочи его жизни.

...Поздняя ночь. Давно уже закрылись за мной двери гостеприимного дома. Я сижу на скамейке приморского парка. В чернильной мгле, окутавшей город и море, ослепительно горят огни теплохода, стоящего у причала. Где-то грохочет лебедка. Я сижу один на скамье. Сижу долго и думаю обо всем, что увидел и услышал в Доме Чехова. Обо всем, что раскрылось в задушевных беседах с Марией Павловной, сестрой и другом великого писателя и человека.

Преступление в Бамберге

(По страницам германской печати)

Бамберг — небольшой, тихий баварский город, раскинувшийся в зеленой долине. До последнего времени он был известен лишь памятниками средневековой архитектуры. Но преступление, совершенное в Бамберге летом прошлого года, сделало его знаменитым по всей Германии.

Пятнадцатилетняя девушка Эрика гуляла вечером с знакомым юношей в местном парке, расположенном за стадионом. Неожиданно на них напали семеро хулиганов. Юношу оглушили, а над девушкой гнусно надругались. Сделали это солдаты расквартированного в городе 85-го американского пехотного полка.

Бамбергское преступление не было чем-то необычным для Западной Германии.

Об этом выразительно говорит перечень преступлений, совершенных в те дни американскими военнослужащими. В Мюнхене бросили гранату в кафе — семнадцать человек тяжело ранено; в Фурте убит Гюнтер Мюллер; в Кельне изнасиловали 14-летнюю девочку; в Регенсбурге — тоже изнасилование; в Гейдельберге — ограбление студентов; в Ашафенбурге — избиение шомполом школьников. Все это, не считая драк, побоищ, дебошей...

Но Бамберг «прославило» не столько само преступление, сколько последовавший за ним судебный процесс.

Насильники предстали перед судом 10-й американской пехотной дивизии.

В начале процесса деканат евангелической церкви в Бамберге обратился к суду с ходатайством, чтобы ввиду особого характера преступления и несовершеннолетия пострадавшей дело разбиралось при закрытых дверях. Военный суд просьбу отклонил. Защитник подсудимых, майор американской службы Петков, задался целью — любыми средствами опорочить пострадавшую девушку.

Во время допроса на суде Эрика Л. упала в обморок. (Фото из западногерманского журнала «Дер штерн».)

Для воздействия на Эрику были пущены в ход приемы, заимствованные из бульварных романов. Несмотря на летний день, окна в зале суда были плотно завешены, и при желтом свете зажженных люстр Петков в течение многих часов публично осыпал плачущую, пылавшую от стыда девушку вопросами, которые немецкая печать охарактеризовала одним словом — «свинство».

Расчет был на то, что, пораженная бесстыдством вопросов, пострадавшая откажется давать показания, собьется и «изобличит» себя.

У суда было заключение врачей, что Эрика Л. до нападения была невинна, что на ее теле установлены следы истязаний. Девушка принадлежит к уважаемой в городе семье. Преступники к тому же сознались. И, тем не менее, моральная пытка продолжалась целых три дня. Потрясенная Эрика Л. несколько раз теряла сознание. Ее приводили в чувство и снова допрашивали. Закончился допрос следующим диалогом, который приводит мюнхенская «Зюддейче цейтунг»:

Петков: Любите ли вы вашего отца?

Эрика Л.: Конечно.

Петков: Уважаете вы его?

Эрика Л.: Само собой разумеется...

Петков: Какие у вас отношения с отцом?

После этого, с минуту оглядывая непонимающими глазами зал, девушка с криком «Я не могу больше!» рухнула на пол. Врачи констатировали, что у Эрики Л. отнялась правая часть тела и что дальнейший допрос угрожает ее жизни.

...Тем временем возмущение делом Эрики Л. стало быстро распространяться по всей Западной Германии. «Кого же, собственно, обвиняют на суде? — спрашивала в те дни «Нюрнбергер нахрихтен».— Подвергшуюся нападению девушку или семерых подлых насильников?..»

«Дальше так не пойдет!» — предупреждала мюнхенская «Ревю».

«Хотят ли они дождаться,— спрашивал на страницах кобургской «Нойе прессе» один из ее читателей,— чтобы немецкое население организовалось и по принципу «око за око» стало бить до смерти американцев?..»

Под влиянием общего возбуждения правительства ряда земель Западной Германии обратились с протестом к американским военным властям и к федеральному правительству Аденауэра. Баварское правительство для охраны населения от американских «друзей» организовало особые летучие отряды полиции.

На этот раз суду пришлось приговорить насильников Эрики Л. к тюремному заключению. Но бамбергский метод допроса нашел подражателей: в Штраубинге недавно падала в обморок и билась в истерике перед судом 6-го американского танкового полка девушка, обесчещенная в лесу солдатами. Той же моральной пытке подверглась на допросе в американском суде в Мюнхене 13-летняя Ингрид В. — жертва четырех бандитов в американской форме. По поводу этого дела возмущенная «Мюнхенер иллюстрирте» писала: «Немыслимо себе представить, чтобы в какой-нибудь иной стране Европы могла иметь место такая судебная процедура».

А. ПАВЛОВ

НЕОКОНЧЕН

С. ФРИДЛЯНД

Можно было бы взять интервью у одного из руководителей физкультурного движения, у ответственных товарищей из Министерства просвещения и напоследок побеседовать с учеными людьми в Академии педагогических наук. Видимо, они рассказали бы нам много интересного о том, как надо растить здоровую смену, с самого детства прививать вкус к физическим упражнениям, как систематические занятия ими влияют на успеваемость в науках. Нам, несомненно, указали бы и адреса некоторых школ, в которых преподаватели физкультуры достигли успехов. Однако мы зашли наудачу в одну из средних школ.

И вот мы в гимнастическом зале 173-й школы Свердловского района Москвы.

— Впервые за много лет,— рассказывают десятиклассники,— у нас появился этой осенью настоящий физкультурный зал. Правда, нет при нем ни душей, ни раздевалок, и все же мы ему рады. Теперь нам, десятиклассникам, надо наверстать упущенное: физкультура прошла мимо многих из нас. Ведь без зала заниматься ею не очень интересно.

И, действительно, мы с огорчением увидели, как неумело проделывает несложные упражнения на брусьях одна из десятиклассниц. Да и на уроке всего шесть — семь человек из класса. Остальные отсутствуют по самым различным и часто неуважительным причинам. Ведь отметка по физкультуре не имеет особого значения.

ЫЙ РАЗГОВОР

Сейчас зима. Среди школьников нашлось бы много любителей лыжного, конькобежного спорта и хоккея. Однако лыжные походы — для них событие. Они с радостью последовали бы, скажем, примеру ребят из 238-й школы, построивших отличную зимнюю площадку. Но во многих других школах столицы нет для нее места.

Этот снимок мы сделали в 166-й школе того же Свердловского района. Здесь ребята с увлечением занимаются легкой атлетикой. Но учащиеся многих школ лишены такой возможности. Почему?

...Почему в наших школах нет ледяных полей, беговых дорожек, хорошо оборудованных спортивных залов, почему так мало ребят, занимающихся легкой атлетикой?

Со всеми этими вопросами мы обратились к преподавателям разных школ города Москвы.

Андрей Александрович КОРЗЫКОВ, преподаватель физкультуры 173-й школы:

— В нашей школе наконец построено специальное помещение для физкультурных занятий. Но оборудовано оно пока плохо.

Школьники имеют возможность вскладчину купить баскетбольный мяч и кольца для сеток, коечто могут создать своими руками, но сделать или тем более купить гимнастического коня, который стоит чуть подешевле живой лошади, они не в состоянии. А денег на оснащение физкультурных залов отпускают мало, от случая к случаю.

Вот и получается, что по программе школьное спортивное оборудование должно насчитывать 31 наименование: лыжи, канаты для лазания, маты, кольца, мячи, бревно, гимнастическая перекладина, ядра, диски, копья... А из всего этого перечня в нашей, например, школе имеется всего пять — шесть предметов.

Нет у нас и лыж. Для того, чтобы не сорвать лыжную подготовку — важнейший раздел программы физического воспитания, — для того, чтобы ребята смогли сдать нормы на значок ГТО, приходится брать лыжи напрокат. Времени это отнимает очень много, а результаты ничтожные.

Мне кажется, что неправильна сама система снабжения школ спортивным инвентарем. Ведь даже в том случае, когда деньги получены, далеко не всегда можно купить в магазине необходимые вещи.

Особенно скверно обстоит дело с занятиями по легкой атлетике. В нашем районе, как и во многих других, нет ни одной спортивной площадки, нет и ни одного стадиона. Для того, чтобы провести соревнования по легкой атлетике, приходится немало времени и сил тратить на поиски стадиона и переговоры с его директором. А ведь чтобы занятия по легкой атлетике были успешны, нужны регулярные тренировки.

Николай Васильевич ИВАНОВ, преподаватель физкультуры 238-й школы:

— Трудности, возникающие из-за отсутствия во многих школах спортивных залов и хотя бы минимального оборудования, несомненны. Их надо устранить как можно скорее. Вместе с тем мне кажется, что нам, педагогам, нельзя упускать любой возможности использования инициативы самих учащихся.

У нас в школе спортивное помещение — залом я его назвать не могу — размещено в двух соединенных классных комнатах. В нем, как говорится, не размахнешься. Однако скудное оборудование кое в чем дополнено силами ребят. Они сами сделали бум для равновесия, баскетбольные щиты и стойки для прыжков.

В еще большей мере проявилась трудовая инициатива ребят на нашей пришкольной площадке. Их прилежными руками подготовлена яма для прыжков, созданы две волейбольные площадки и одна баскетбольная, устроен сектор для толкания ядра. Сделали мы также и беговую дорожку, хотя, правда, короткую. С наступлением зимы школьники вытаскивают столбы, разравнивают площадку, заливают водой, и к началу сезона в нашем распоряжении отличный каток и хоккейное поле. Кстати, ворота для игры в хоккей ребята смастерили сами. На зимней площадке всегда очень оживленно. Одних хоккейных команд у нас девять, а коньками увлекаются почти все школьники. Результаты очевидны. Сейчас проходят районные соревнования. Первые три встречи принесли нашим хоккеистам три победы.

Однако соседние школы таких баз не имеют из-за отсутствия места для площадок. Третий год мы воюем с исполкомом Дзержинского района из-за пустыря, прилегающего к нашему садику. Если бы мы его получили, то силами учащихся можно было бы создать маленький стадион не только для нас, но и для соседей.

Александр Борисович МАЛИНИН, преподаватель физкультуры 166-й школы:

— Как много значит в жизни народа правильное и разностороннее воспитание молодого поколения! Не десятка—двух рекордсменов, а именно всего поколения! Начинать это нужно с первых классов. Почему же так много нерешенных вопросов в постановке физкультуры в школе? Почему этим вопросам отведено второстепенное место?

Правильно ли, например, что десятикласснику отведено на физкультуру всего 45 минут в неделю? Разумно ли, что отметка по физкультуре не заносится в аттестат?

Стоит ввести в школах больше уроков физкультуры. Если к этому прибавить вечернюю секционную работу, то тогда можно уже говорить о настоящей и действительно массовой физкультурной работе среди детей.

Мешает нам, педагогам, и многоплановость обращенных к нам требований. К очередным соревнованиям мы должны подготовить и гимнастов, и легкоатлетов, и баскетболистов, и хоккеистов, и пловцов. Педагог должен быть специалистом по 9—10 видам спорта. Между тем каждый из нас знает тонкости своего любимого вида спорта. На этой основе возникают «гимнастические», «лыжные», «легкоатлетические» школы, и коллектив постепенно приобретает свое определенное спортивное лицо. Мне кажется, что не надо мешать такому процессу. При этом, конечно, не исключается обязательное выполнение всей программы ГТО.

И, наконец, нам нужен журнал «Физическое воспитание в школе». В нем освещались бы важные вопросы физиологии детского спорта, педагоги обменивались бы опытом и узнавали все новое.

Наш корреспондент побеседовал с учащимися и педагогами трех московских школ. Редакция не считает этот разговор законченным и приглашает читателей высказаться по затронутым вопросам.

ПРИМА

Олег ЗВЕРЕВ

Рисунки В. Соловьева

Старый казах в лисьем малахае пришел в «Заречный» воскресным сентябрьским днем. За ним брела рыжая корова. Они остановились у конторы. Казах неторопливо закурил.

На крылечке конторы сидели свободные от работы рабочие совхоза и прихворнувший студент — из тех, что прибыли с Киевщины на уборку. Лениво балагурили, мурлыкали песенку. На старика с коровой не обратили внимания: мало ли что нужно человеку? Прошло около часа, казах не уходил. Переглянулись. Прицепщик Тимоша, румяный, выгоревший до седины паренек, не выдержал.

— Папаша, а вы тут по какому вопросу, извиняюсь? — спросил он.

— Ты покупаешь — я продаю,— ответил казах, как о само собой разумеющемся, и ткнул пальцем в коровий бок.

— Корову? — удивился Тимоша. Компания повеселела. Это и вправду было смешно.— Так зачем же тут стоять? На базар надо идти.

— Ты пойдешь на базар — далеко, я пойду — далеко. Зачем? Мы соседи. Ходить надо близко,— замысловато объяснил старик.

Зареченцы снова переглянулись. Прицепщик не унимался.

— А что, братцы, не купить ли мне эту корову? — спросил он и подбоченился.— Куплю. Молочко пить буду. А водочку ни-ни...

На крыльце смеялись. А Тимоша уже входил в роль. Он похаживал вокруг коровы и подшучивал. Осмотрел ее зубы, попробовал рога, хлопнул по боку и даже хвост приподнял двумя пальцами. Ребята подбадривали его. Старый казах молчал.

— И будет у меня в совхозе первая корова.— рассуждал прицепщик.

— Первая — по-латыни прима,— солидно вставил студент.

— И будет у меня подруга Прима...

Весть о необыкновенном торге быстро распространилась по усадьбе. Подходили люди. Подливали масла в огонь. Смеялась даже Шурка Ракитова, хотя ей-то смеяться было не к чему. По сведениям зареченцев, накануне она, снова показав свою натуру, поссорилась с трактористом Леней Зарубиным... Однако веселье ее продолжалось недолго. В накинутом на плечо пиджаке к собравшимся решительно подошел Леонид. Растолкав хохочущих ребят, он приблизился к корове и критически оглядел ее. Зареченцы приумолкли.

— Кончай спектакль! — внушительно сказал тракторист Тимоше.— Почем скотина, старик?

Казах смерил Леонида взглядом, и глаза его сразу помолодели.

— Ты покупаешь — ты цену знаешь,— ответил он.— Говори!

Леонид задумался, а Шурка Ракитова презрительно бросила:

— Цена ему не по карману!

Трудно предположить, чем бы кончилась вся история, если бы не были сказаны эти слова. Но они были сказаны. Леонид побледнел. Ребята неодобрительно поглядели на Шурку. И всегда она такая: то не так работает парень, то не очень самостоятельный, то денег у него не хватит. Это у лучшего тракториста в совхозе!..

— Тимоша, беги за Кузьмичом!— приказал Леонид.

Явился ветеринар и, придирчиво ощупав рыжую пациентку, сказал, что корова как корова — молочная. Леонид повторил свой вопрос старому казаху. Ответ был тот же, что и прежде. Поразмыслив, тракторист назвал цену чуть ниже базарной. Казах накинул. Небольшая надбавка уже не играла роли, и Леонид вынул из бумажника серенькую книжку.

— Слушай, папаша! — сказал он.— Деньги у меня все на сбережении. Вот. Приходи с коровой завтра. Я возьму в сберкассе сколько нужно — и расплатимся.

— Зачем завтра? —возразил казах.— Теперь бери корову. Смотри неделю, смотри десять дней. Хорошая корова — принесешь деньги. Я тебе верю. Потом приходи. Придешь — гостем будешь: плов будет, кумыс будет! — Так говорит старик Ишимбаев.— Там меня все знают! — Он показал рукой в сторону ближнего казахского колхоза.

— Спасибо, отец! — обрадовался Леонид и хлопнул по сухой, костистой ладони казаха.

— Бери корову! Потом спасибо скажешь,— ответил старик.

Тракторист взял из его рук поводок, и круг зареченцев молча расступился. Он медленно вывел корову и, оглянувшись, крикнул:

— Как зовут-то ее?

— Прима! — ответил за всех Тимоша.

Леонид улыбнулся и зашагал дальше.

И тут в толпе что-то случилось. Она колыхнулась и пропустила вперед растерянную Шурку. Глаза ее видели только фигуру Леонида. И вся она тянулась за ним. Она не хотела идти, но ноги так и несли ее вслед за трактористом. Догнав его, она пошла рядом, с другой стороны коровьей головы. Глядя на них заслезившимися вдруг глазами, старый казах бормотал:

— Хозяин будет. Сто лет в степи жить будет...— Потом он строго посмотрел на Тимошу и сказал, дунув на ладонь:— А ты фук! Ветер в голове.

Никто не засмеялся.

Так появилась в «Заречном» первая корова. А теперь посчитай, сколько их в совхозе!

ПОБАСЕНКИ

(Для маленьких и больших)

Воробей на пеликана
Смотрит, как на великана.
Раз ты вырос небольшим,
Так не мерь на свой аршин.

*

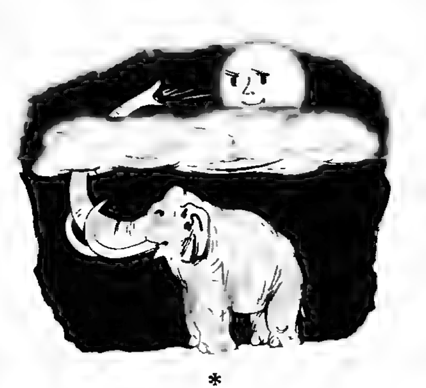
Заявила кенгуру:
— Я, брат, взяток не беру.
А карман мой не для взяток,
Он для маленьких ребяток.

*

Решила ворона одна побелеть.
— Ведь есть,— говорит она,—
белый медведь.
Ведь даже такая дикарка,
как динго,
И та не брюнетка, а тоже
блондинка!

*

Однажды рак речной
Сказал, что он ручной.
Я верить на слово пытался,
Пока без пальца не остался.

*

Любопытная луна
Посмотрела на слона:
— Почему ты не лежишь,
Почему ты стоя спишь?

Слон ей крикнул в облака:
— Отлежал я все бока!

*

Волк в лесу украсил елку;
Приходите в гости к волку.

Волк напрасно ждет гостей:
Жалко им своих костей.

*

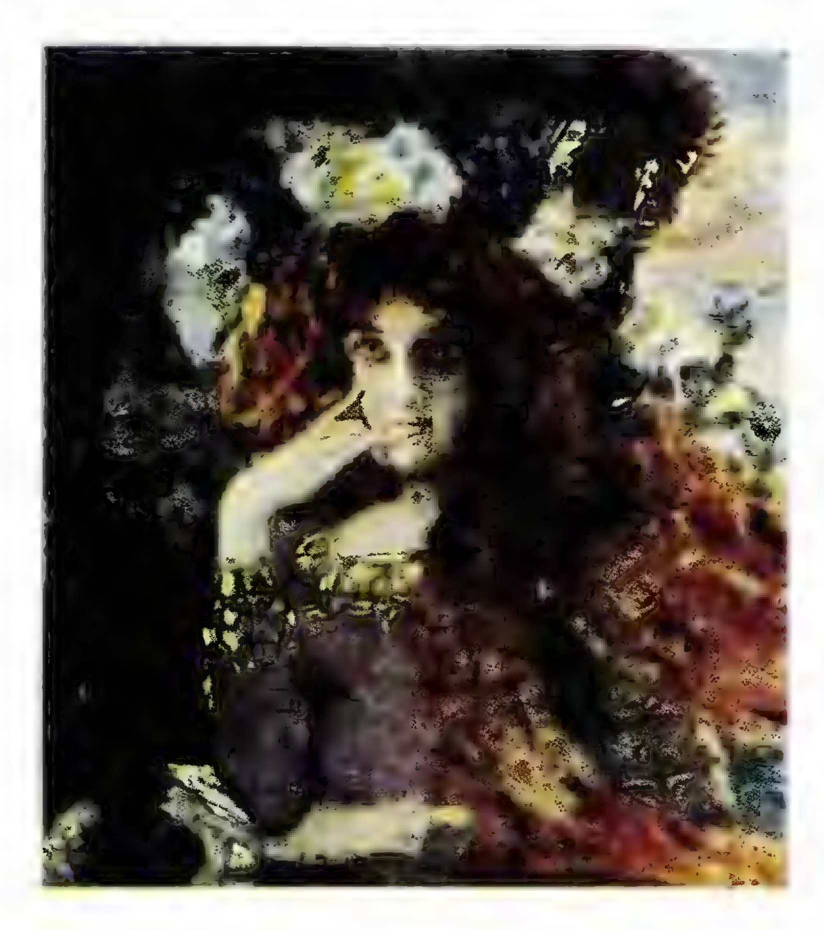
Козла пустили в огород —
Он в рот капусту не берет.

Хоть в этом нету логики, —
Влиянье педагогики.

*

Я желаю болтуну
Съездить в гости на луну.
Пусть земля хоть в эти дни
Отдохнет от болтовни.

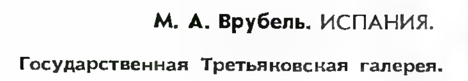
Юрий ЯКОВЛЕВ

М. А. Врубель. МУЗА. 1896. Из частного собрания.

М. А. Врубель. РЕКА. Из частного собрания.

М. А. Врубель. ИСПАНИЯ.

Государственная Третьяковская галерея.

М. А. Врубель. К НОЧИ. 1900. **Государственная Третьяковская галерея.**

Картины Врубеля

В Третьяковской галерее состоялась выставка, посвященная столетию со дня рождения Михаила Александровича Врубеля. По сравнению с прежними нынешняя экспозиция дает наиболее полное представление о творчестве замечательного русского художника. Здесь собраны работы из музеев Москвы, Ленинграда, Киева, а также из частных коллекций.

Картины Врубеля порой так же трудно «объяснить», как трудно объяснить музыку. Знаменитое «К ночи» — одно из самых волнующих, но одновременно и самых сложных его произведений. День прошел, слабый его свет как бы тлеет в красных цветах чертополоха. Таинственный отблеск догорающего дня в золотистых косматых гривах лошадей, в глазах чернобородого цыгана. Тревожно, томительно, страшно...

«К ночи» написано на Украине, в степном хуторе под Киевом, куда Врубель часто приезжал и где живал подолгу. В этой работе очень явственны характерные для Врубеля поиски национального колорита, увлечение легендарной «скифской» стариной.

«Царевна-Лебедь» — лучшая из картин «лебединой серии» Врубеля. Для творчества художника характерно повторение, постоянное совершенствование и углубление излюбленных мотивов. Врубель был, если можно так выразиться, очень привязан к своим мечтам, фантазиям, и его творчество очень последовательно и цельно, проникнуто единым настроением. Вот и в «Музе» своеобразный, «врубелевский» овал лица, сразу напоминающий «Демона», открытый, какой-то прозрачный взгляд и те же свойственные художнику угловатость, нервность, некоторая изломанность. Картина примечательна еще и тем, что написана совсем прозрачно, почти акварельно. Врубель часто использовал в работе маслом приемы акварельной техники.

В 1894 году вместе с семьей промышленника Саввы Мамонтова, друга художников, Врубель ездил за границу. Картины-панно «Венеция» и «Испания» — отзвук его заграничных впечатлений. «Испания» привлекает сдержанностью, особой насыщенностью, как бы звонкостью колорита, внутренним напряжением, свойственным лучшим работам Врубеля.

«Девочка на фоне персидского ковра» принадлежит Киевскому музею русского искусства и в Москве экспонируется впервые. Сам Врубель часто называл эту свою работу «Княжна Мери». Надо сказать, что под обаянием лермонтовского гения художник находился всю свою жизнь.

В 90-х годах по заказу одного из московских книгоиздателей Врубель исполнил большое количество рисунков и акварелей к произведениям Лермонтова.

Г. АЛЕКСЕЕВ

ЧЕЛОВЕК БЕЖИТ ОТ НОЧИ

А. ПОТАПОВ, С. ХОМЕНКО

Фото В. Киврина.

19 декабря прошл[illegible] года в нашей печати было опубликовано сообщение о том, что в со[illegible]ские органы явился с повинной Рэм Петрович [illegible]оз. Он заявил, что переброшен в СССР американской разведкой с [illegible]нием собирать шпионские сведения об особо важных о[illegible]оронных [illegible]ктах нашей родины, добывать различные советские д[illegible]ументы. М[illegible] чистосердечно расска[illegible]л все о [illegible]тр[illegible]дничест[illegible] американс[illegible] [illegible]едкой. В связи с этим было принято решение к уголовной ответ[illegible]ности его не привлекать. В настоящее время Р. П. Моро[illegible] работает автомехаником в одном из [illegible]ерновых совхозов.

Наши корреспонденты побывали в совхозе, беседовали с Моро[illegible]. Он поделился воспоминаниями о [illegible]оем прошлом.

Неожиданная встреча

В январский день 1947 года во дворе большого воинского склада в Берлине было шумно и многолюдно. К воротам то и дело подкатывали автомашины под номерами различных частей Советской Армии, дислоцированных в районе Берлина. Подразделениям выдавали новое обмундирование. В ожидании очереди водители собирались группами, закуривали, обменивались новостями. Высокий, чуть сутуловатый молодой сержант с тонкими усиками, усевшись на подножку своей машины, не переставая, сыпал анекдотами. Мягкий его говор безошибочно выдавал украинца. Громкий смех привлекал всеобщее внимание. Группа вокруг сержанта росла, как снежный ком.

— Мороз, да это никак ты! — воскликнул, обращаясь к сержанту, подошедший старшина Соловьев, работник склада. — Вот где довелось встретиться! Ну, здорово, Рэм, дружище!

Смех мгновенно угас, рука, державшая сигарету, заметно дрогнула. Сержант медленно поднялся и обвел окружающих удивленным взором, как бы спрашивая, чего хочет от него этот неожиданно прервавший беседу старшина.

— Ты Рэм Мороз? — переспросил тот, несколько озадаченный.

— Старшина, видно, спутал малость, — заметил кто-то. — Разве наш Ткаченко похож на какого-то Деда Мороза? Тот, пожалуй, постарше будет, усы побелей, да и борода, я слышал, до пояса.

— Да ты погоди, брось зубоскалить! — огрызнулся старшина. — Мы же с ним до войны в Харькове жили, вместе росли, вместе в школе учились. Правда ведь? — обратился он к сержанту.

— Обознался ты, брат, — ответил сержант. — Что ж, случается. Ткаченко — моя фамилия. И в Харькове твоем я в жизни не бывал.

— А весельчак ты стал однако! — воскликнул старшина.— Ну, хватит разыгрывать. Что ж, я ослеп, что ли? Ты же Рэм Мороз! Мы на Сумской в одном доме жили, № 126. Кольку Соловьева помнишь? Или забыл? Как твои родители, Петр Павлович как, отец?

— Ну вот что, харьковчанин. Зовут меня Ткаченко. Понял? И точка. — Сержант бросил в снег недокуренную сигарету и потушил ее носком сапога. — По машинам, ребята! Наша очередь грузиться...

— Не горюй, старшина, — сказал Соловьеву водитель, который первым вступил с ним в разговор. — Найдешь еще своего Деда Мороза. Мир, говорят, тесен.

Вскоре обескураженный Соловьев провожал взором колонну автомашин, выезжавшую из складских ворот. В кабине одной из них за рулем сидел сержант Ткаченко...

Преступление

Колонна автомашин направлялась в Хеннеф, что в десяти с лишним километрах на восток от Берлина, где размещался автобатальон. В пути, оставшись один за баранкой машины, Рэм дал волю своим чувствам. С каким трудом удалось ему скрыть от товарищей охватившие его смущение и страх во время неожиданной встречи на складе! Надо же было Кольке Соловьеву встретиться на его пути! Как это он там, на складе, горячо убеждал его, Рэма, в том, что он именно Рэм Мороз, а не кто иной.

Рэм усмехнулся. Еще бы не знать ему Николая! Они одногодки, оба 1926 года рождения. Когда семья Петра Павловича Мороза переехала в Харьков и поселилась в доме № 126 по Сумской, Рэм и его сосед по дому Колька Соловьев подружились. Вместе ходили в школу, в 1941 году окончили семь классов. А потом война... Семья Мороза не успела выехать из Харькова. Город захватили гитлеровцы. Рэма вместе с отцом угнали на работу в Германию. Перебрасывали из города в город на самую черную работу. Как-то Рэму удалось попасть подмастерьем в один из гаражей и здесь немного изучить автодело. Конец войны застал его в Нюрнберге, оккупированном американцами. Родители его, отец и мать, находились в это время в лагере для так называемых «перемещенных лиц». Вскоре Рэм в числе других советских граждан был репатриирован, а от его родителей американцы добились согласия не возвращаться на родину.

И вот здесь девятнадцатилетний юноша совершил первую ошибку. Стремясь поскорее вырваться домой, Рэм скрыл от органов по репатриации свою настоящую фамилию. Если узнают правду о его родителях, оставшихся в Западной Германии, думал он, то и ему нескоро придется выехать в Советский Союз. На пункте регистрации репатриируемых советских граждан он назвался Ткаченко. Это была девичья фамилия его матери. Документы были быстро оформлены, и скоро Ткаченко ступил на родную землю...

А затем призыв в Советскую Армию, служба в автобатальоне в Хеннефе, курсы младших командиров, звание сержанта и должность механика отделения. Все шло отлично, и вот вдруг эта случайная встреча на складе. Слишком хорошо знал Рэма Мороза старшина Николай Соловьев, чтобы поверить в существование сержанта Ткаченко. Мелькнула мысль: «Он наверняка доложит, что я служу в армии под чужой фамилией». Начнется следствие. «Ах, так вы скрыли свою фамилию? Так ваши родители, значит, в Западной Германии?» Что он сможет ответить?..

Все дни после той памятной встречи Рэм жил, ожидая разоблачения. Сержант Ткаченко, весельчак и балагур, душа отделения, стал молчаливым, рассеянным, работа валилась из рук. Он получал замечания от взводного, затем и от командира роты. Рэм объявил, что ему нездоровится.

Однажды во взвод пришел посыльный из штаба батальона.

— Сержанта Ткаченко к комбату!

Направляясь в штаб, Рэм вышел на шоссе и при виде первой же машины в сторону Берлина поднял руку. Через час он был уже в Западном Берлине...

На чужбине

Родители Рэма проживали в западногерманском городе Касселе, в лагере для «перемещенных».

— Попытайся найти работу, — сказал Рэму отец после встречи с ним.

Да, надо было начинать новую жизнь, жизнь на чужбине, жизнь человека с нечистой совестью, изменившего родине, которая, казалось, утрачена навсегда!

Вначале Рэму повезло. Ему подвернулась работа автомеханика в городе Арользене. Но здесь пробыть ему пришлось недолго. Новым автомехаником заинтересова-

лись американцы. Как-то его доставили в отделение «Си Ай Си» (американская разведка). Допрашивали долго и с пристрастием. Американцы заставили Рэма подробно рассказать свою биографию. Особенно интересовал их факт дезертирства из Советской Армии. Вызвали в «Си Ай Си» и отца Мороза.

— Вот что, Рэм. От американцев можно ожидать любых неприятностей, — сказал Мороз сыну, когда они однажды встретились в Касселе. — Раз уж нами заинтересовались, они так просто нас в покое не оставят. Надо уехать куда-нибудь, хотя бы на время. Есть возможность устроиться по контракту на угольные шахты в Бельгии. Поедешь? Решай.

Собственно говоря, решать было нечего: иного выхода не было. Оставаться в Арользене после допроса в «Си Ай Си» Рэм опасался, а другой работы не предвиделось.

«Если и существует на свете ад, то он здесь, в Ватершае» — эти слова Рэм Мороз и его отец услышали от русского парня, одного из «перемещенных», по прибытии на бельгийскую угольную шахту Ватершай. Сидя на железных двухэтажных нарах в грязном деревянном бараке, где жили рабочие, русский парень-сибиряк с густой темной шевелюрой и карими глазами, глубоко запавшими на исхудавшем, с острыми скулами лице поведал вновь прибывшим об условиях труда на шахте.

Не верилось, что все услышанное правда. Но очень скоро и Рэм и его отец убедились в том, что Ватершай — это действительно ад.

Рэм не вытерпел и трех месяцев. В декабре 1947 года он отказался от контракта, поспешил порвать с этим калечащим человека каторжным трудом и возвратился в Западную Германию.

Здесь он попал в Шляйсгайм, один из крупных лагерей для «перемещенных лиц». Тут орудовали русские белоэмигранты и матерые изменники родины — пособники гитлеровцев во время прошлой войны, стоявшие во главе различных антисоветских организаций. От них, этих «знатоков» России, Рэм наслушался россказней об «ужасах» коммунизма. Каждого, кто высказывал мысль о возвращении домой, заправилы лагеря объявляли «коммунистом», и ему грозила расправа.

Рэм упорно искал работу. Он был шофером, механиком, продавцом, слесарем... Но все это на короткое время. Потом увольнение, и снова огромная армия безработных принимала его в свои ряды.

...Он смутно помнит, как это произошло. Мучил голод, был зимний холодный вечер, зашел в магазин погреться. И вот он украл... Краденое продал, утолил голод. С этого началось. Рэм связался с уголовным миром. От мелких краж перешел к крупным; его приняла в свою среду воровская шайка, орудовавшая в Мюнхене. Прошлое вспоминается, как дурной сон: кражи, суд, тюрьмы и снова кражи... Его разыскивала западногерманская полиция. Уголовщина все больше засасывала Рэма. Он с тоской гнал от себя мысль о возвращении на родину. Ведь пишут же в газетах, что всех возвратившихся ссылают в Сибирь, а его за дезертирство из армии непременно расстреляют...

Ваша кличка — «Роберт»

За одним из столиков мюнхенского ресторана «Матеза» ранним апрельским вечером 1954 года сидели двое. Один — лет тридцати плотный, коренастый, в элегантном сером костюме. Он то и дело постукивал пальцами по столику. На левой руке поблескивало дорогое кольцо. Другой был помоложе, высокий, темноволосый, с тонкими усиками и большими, в крупных синих прожилках сильными руками. Человек в сером костюме был, видимо, завсегдатаем ресторана. По его едва уловимому знаку на столике, и без того уставленном бутылками, тотчас же появилась новая порция спиртного. Разговор был долгим.

— Ну, за твои успехи, Рэм! — сказал, подняв бокал, изрядно захмелевший человек в сером. — Помни, благодарить меня будешь. Так договорились?

— Ладно, действуй, Генек. Мне терять все равно нечего.

— Да ты как будто и не рад. Чудак! Будешь иметь кучу денег, жить станешь как человек. Я тебе говорю по своему опыту, сам учился в такой школе под Мюнхеном. А потом распустили нас. Говорили, будто американцы потерпели провал в одном деле, и школу прикрыли. Только об этом молчок, понял?

— Понял. Давай знакомь меня с твоим другом.

Мюнхенский вор, украинский националист, а по совместительству вербовщик американской разведки Генек сдержал свое слово. Через несколько дней после этой встречи он познакомил Мороза со своим «другом». Знакомство состоялось за тем же столиком в ресторане «Матеза». «Друг» Генека еще раз предложил Морозу поступить в американскую разведшколу и сказал, что легко может это устроить. Он подробно расспросил Рэма о его биографии, родителях, родственниках. «Встретимся через месяц», — сказал Морозу новый знакомый. Он был точен. Ровно через месяц в ресторане вербовщик предложил Рэму написать автобиографию и передать ему через два—три дня.

Прошла еще неделя. Однажды вечером у дома, где жил Рэм, заурчал автомобиль. Вскоре Рэм уже открывал дверь незнакомому мужчине.

— Господин Мороз? Я по известному вам делу, — сказал ему незнакомец по-русски. — Прошу проехать со мной.

Машина помчалась по улицам Мюнхена и остановилась на окраине города в Грауказерне. Здесь размещалось отделение «Си Ай Си».

— Прошу садиться. Курите? Вот сигареты. Меня можете называть мистером Кристофером. Итак, будем знакомы.

Кристофер снова подробно расспросил Рэма о его жизни, о близких. Затем назвал ему свой телефон и сказал, что скоро от американской разведки он получит первое задание.

— Я познакомлю вас с вашим шефом. Запомните адрес: Хохштрассе, возле ресторана «Сальватор — Келлер». О времени встречи мы вам сообщим.

Американский разведчик Мюллер, под руководством которого предстояло работать Морозу, хорошо владел русским языком. Это был довольно грузный мужчина, среднего роста, лет пятидесяти. После встречи у ресторана «Сальватор — Келлер» Мюллер сказал Рэму:

— Запомните: отныне вы для нас Роберт. Нет никакого Рэма Мороза. Есть только Роберт. Понятно? Это ваша кличка.

Роберт проходит испытание

Первого задания от американской разведки Рэму не долго пришлось дожидаться. Разъясняя его, Мюллер был немногословен: необходимо сообщать о настроениях «перемещенных лиц», вести за ними наблюдение. Американцы должны знать о них буквально все.

После первых донесений, составленных Морозом, Мюллер пригласил его к себе. Перед ним лежали на столе листки бумаги с текстом, отпечатанным на машинке.

— Прочтите и подпишите, — приказал он.

Это был текст подписки о сотрудничестве с американской разведкой, предусмотрительно составленный на русском и английском языках. Рэм прочитал следующее: «Я, Мороз, добровольно соглашаюсь работать с американской разведкой по борьбе с вражеской агентурой. Обязуюсь свою работу выполнять добросовестно и честно, никому, даже своим родственникам, не разглашать того, что я делаю. Мне известно, что за невыполнение настоящего обязательства я предстану перед неофициальным судом по секретному закону американского конгресса от 1948 года». Далее указывалось, что Р. П. Морозу за работу в американской разведке будет ежемесячно выплачиваться 200 марок и определенная сумма на оперативные расходы.

Когда Рэм поставил свою подпись на этом документе, Мюллер протянул ему 100 марок.

— Мне нужна расписка, — сказал он. И стал диктовать. — Пишите: я, Роберт, получил от представителя американской разведки за период с 1-го по 15-е (укажите месяц и год) 100 немецких марок. Теперь поставьте подпись: Роберт.

Мюллер не желал зря платить деньги своему агенту. Он давал Морозу одно задание за другим. Американцы испытывали нового шпиона. По приказу Мюллера Рэм следил за находившимися в Западной Германии изменниками родины Панченко, Шмите и другими, которым американцы почему-либо переставали доверять. Он вел слежку за ними, подслушивал разговоры, сообщал о их настроениях своим хозяевам.

— Вы у нас в руках, — не раз говорил Рэму Мюллер. — Помните: малейшее неповиновение с вашей стороны — и вами займется немецкая полиция. Власти не погладят вас по головке за кражи. А будете хорошо работать, мы всегда вас выручим в случае ареста. Одно слово немцам — и вы на свободе.

Готовя Роберта для выполнения важных шпионских заданий, американцы решили подвергнуть его испытанию на «детекторе лжи»...

...В небольшой квадратной комнате, куда его пригласили войти, Рэм оглянулся. Никакой мебели. Лишь в центре специальное кресло, а за ним — аппарат, напоминающий радиоприемник. Это и был пресловутый «детектор лжи». Сотрудник разведки и врач в белом халате предложили Морозу снять пиджак, засучить рукава рубашки. На правую руку лег крепкий черный жгут, как при проверке давления крови. Левую ладонь врач протер какой-то жидкостью и приложил к ней металлическую пластинку. Грудь Рэму стянули гофрированной резиновой трубкой. От жгута, пластинки и трубки к детектору тянулись тонкие провода. Рэм еще раньше слышал, что этот аппарат фиксирует биение сердца, которое, естественно, зависит от реакции человека на неожиданные вопросы, определяет равномерность дыхания, выделения пота, отмечает колебания кровяного давления.

— Вы должны отвечать на вопросы немедленно, не задумываясь. И только «да» или «нет». Понятно?

— Да.

— Отвечайте: ваше имя Рэм Мороз?

— Да.

На «детекторе лжи» быстро замигали какие-то лампочки. Врач склонился над аппаратом.

— Вы носите галстук?

— Да.

— Ходите в кино?

— Да.

— Служили в германской армии?

— Нет.

Еще несколько вопросов и односложных ответов. Врач поднял руку, и сотрудник разведки нажал кнопку на спинке кресла. Внезапно в комнате резко и протяжно завыла сирена. Рэм вздрогнул. Откуда-то сверху прямо в глаза ударил сильный, слепящий электрический свет.

— Отвечайте: вы советский агент?

— Нет.

Рэму показалось, что он летит в пропасть. Кресло качнулось куда-то вправо, затем влево, назад... Еще и еще раз... Закружилась голова.

— Вы советский агент?

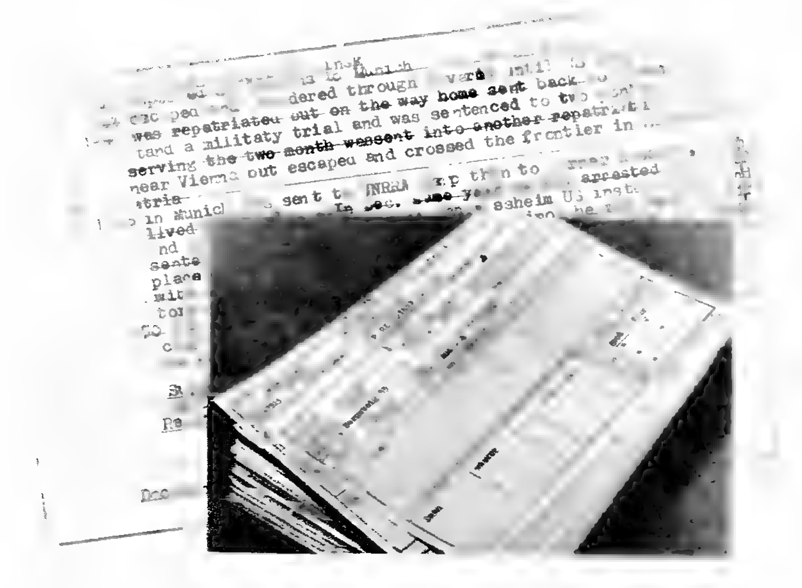
— Нет.

Щелчок выключателя. Смолкла сирена, исчез сильный свет, выпрямилось кресло. Врач отсоединил провода и что-то коротко бросил по-английски сотруднику разведки.

Попутно с этим жульническим «испытанием», рассчитанным на то, чтобы запугать агента и вынудить его таким образом говорить правду, американцы уточнили и некоторые способности Мороза. Так, выяснилось, что Рэм обладает исключительной памятью, а при его «профессии» это особенно важно.

Картотека мистера Вульферта

Гражданин Соединенных Штатов Америки мистер Вульферт был известен в Мюнхене как представитель «благотворительного общества» с громким названием «Американские друзья русской свободы». Бывшие начальники полиции оккупированных немцами советских городов и сел, бургомистры, главари ОУНовцев, власовцев и другие преступники находили у мистера Вульферта весьма благосклонный прием. В среде этих представителей «русской свободы» Вульферта именовали почтительно: «Николай Федорович». Американское так называемое «благотворительное общество» выплачивало порой некоторые суммы изменникам родины. Лишь немногие из тех, кто получал

Картотека американского «благотворительного общества». Одна из карточек заполнена на Ивана Соколова.

деньги от мистера Вульферта, знали, что каждый раз выплаченная сумма аккуратно заносилась в очередную графу небольшой карточки, заполненной по-английски, с фамилией и всеми данными того, кому оказывалась «помощь».

Две тысячи карточек хранила картотека матерого американского разведчика Вульферта. На листках картона регулярно заносились сведения о «благонадежности» «перемещенных лиц», преимущественно из русских и украинцев, о выданных им в разное время суммах «вспомоществования», а также о возможности отправки их в Америку. Это был «золотой фонд» американской разведки, откуда она могла черпать кадры для подрывной деятельности против Советского Союза. В картотеке Вульферта был зарегистрирован и Р. П. Мороз.

Однажды «Николай Федорович», придя в помещение «благотворительного общества», открыл дверь в свой кабинет и застыл на пороге с выражением изумления и ужаса на лице. Кто-то побывал в кабинете: все было перерыто, ящики стола открыты, сейф взломан. Вульферт бросился в комнату. Ценнейшая для американцев картотека исчезла...

В этот день в Мюнхене была поставлена на ноги вся разведка. Мюллер срочно вызвал Рэма для экстренного задания. Он приказал выявить и сообщить ему все данные об известных Морозу мюнхенских ворах. Скоро список уголовников, которых смог выявить Рэм, был в распоряжении Мюллера. Началась слежка, вызовы «Си Ай Си», аресты, допросы. Но все было тщетно. Следов исчезнувшей картотеки американцам обнаружить не удалось.

А в это время тех, кого с таким рвением искали американцы, уже не было в Западной Германии. Трое русских людей, как и десятки тысяч других советских граждан, вывезенных немцами с территории СССР во время войны, работали чернорабочими в разных городах Германии, скитались после войны по лагерям для «перемещенных лиц», голодали. Эти трое, в поисках средств к жизни, как и Рэм Мороз, связались с уголовным миром в Мюнхене Вкусив «сладость» широко рекламируемой «западной демократии», они решили любой ценой возвратиться на родину. Чтобы напоследок насолить американцам и прийти домой не с пустыми руками, эта тройка пишила мистера Вульферта его драгоценной картотеки, о которой уже пошел слух среди «перемещённых». Картотеку репатрианты предоставили в распоряжение комитета «За возвращение на родину».

И вот она перед нами — картотека мистера Вульферта. Кому же оказывали помощь «американские друзья русской свободы»? Возьмем на выбор несколько карточек.

Владимир Жуковский, 1921 года рождения, уроженец Харькова В июле 1954 года получил сразу 1 998 марок. Американцы расщедрились. Еще бы, этот изменник родины представляет для них большой интерес. Служа в Советской Армии, воровал, затем ограбил склад, дезертировал, бежал в Западную Германию, женился на немке. Такому нужно солидно помочь. Или Иван Соколов, уроженец Минска. Вор. Неоднократно судился. Уже в Западной Германии в 1946 году был осужден за воровство с убийством. В графе о помощи также крупная цифра. На карточках Николая Толкачева и Александра Михайлова отмечено: «Находятся в тюрьме за уголовные преступления». А вот на ряде карточек пометок о помощи нет. Зато имеются надписи. «Неблагонадежен. Положительно отзывался о советских порядках Отказать». Зря тратить деньги американцы не хотят.

Циничными резолюциями испещрены десятки карточек с фамилиями лиц, пытавшихся в поисках работы выехать за океан: «Иван Епифанов, 1913 года рождения. Жена ожидает ребенка. Рассмотрению не подлежит». Или: «Иван Оленский. Страдает закупоркой вен. Для тяжелых работ не годится. Оставить без последствия».

Такова эта не лишенная интереса картотека «благотворителей», именующих себя «американскими друзьями русской свободы».

Решение принято

— Хотите поехать в Америку? — спросил однажды Мюллер у Рэма.

Был конец сентября 1955 года. Мюллер не раз уже говорил своему подшефному, что им довольны и у него большое будущее. Теперь речь шла об учебе в разведывательной школе, находящейся на территории Соединенных Штатов.

— Не скрою, — заявил Мюллер, — что в дальнейшем вас ожидает выполнение важных заданий на территории СССР. Подумайте. Завтра мне нужен ваш ответ. Об оплате не беспокойтесь. Будете хорошо работать — сумеете скопить некоторый капитал.

После этого разговора Мороз как-то впервые трезво и реально осознал, на какой путь он ступил. Рэм окинул мысленным взором восемь лет, прошедших с того дня, как он дезертировал из армии. Безработный, вор, теперь шпион... В перспективе шпионское задание на земле, где он родился, диверсии, может быть, убийства советских людей. Ну, а если... Осенила внезапная мысль: а если разведшкола для него — это прямой путь домой? Учиться, учиться хорошо, узнать и увидеть побольше, стать квалифицированным агентом. Тогда американцы обязательно забросят в СССР. А там рассказать все, что знаешь, всю правду. Повинную голову меч не сечет...

На другой день Мороз дал согласие на учебу в разведшколе. После этого Мюллер привел Рэма на одну из конспиративных квартир американской разведки, что находится в Мюнхене по адресу Гайзельгайстштайгштрассе, 56. Здесь некто Дмитриев стал обучать его искусству тайнописи. Дмитриев говорил Рэму, что ему придется писать в Западную Германию письма тайнописью из различных городов СССР.

10 октября 1955 года Мюллер объявил, что вопрос о поездке агента Роберта в Америку решен окончательно И тут же сообщил условия обучения в разведшколе. Срок учебы — от четырех до пяти месяцев. Ежемесячная плата — 125 долларов и, кроме того, 50 долларов любому родственнику, по усмотрению Мороза. После переброски в СССР на специальный счет Рэма будет откладываться ежемесячно 250 долларов А по выполнении задания — до двух с половиной тысяч долларов единовременно.

События развивались быстро. В конце октября состоялось знакомство с американцем Джаксоном. Он занимался окончательным отбором кандидатов, намеченных к зачислению в разведшколу. Снова проверка на «детекторе лжи», затем подробнейший допрос и тщательная проверка памяти. Рэму показывали цифровые таблицы, различные рисунки, фотоснимки, потом предлагали описать их, назвать отдельные детали, цифры, расположение объектов на фотоснимках. Проверка прошла успешно. Вскоре Рэм получил документы на имя военнослужащего американской армии Джона Смита, и под этим именем его направили в военный госпиталь на медицинский осмотр.

В середине января 1956 года Рэма вызвал Джаксон. Вновь машина помчала его по улицам Мюнхена. Она остановилась у большого здания, хорошо знакомого каждому жителю города: на углу улиц Штадельхаймерштрассе и Фегернзееландштрассе. Здесь размещался штаб американских войск.

В большом кабинете навстречу Рэму из-за стола поднялся американец в военной форме. Он внимательно осмотрел вошедшего и резко спросил:

— Согласны ехать?

— Согласен.

— Учтите: мы тратим на вас большие деньги. Назад ходу нет. Нам не нужны люди, которые отказываются выполнять задания. Двойной игры мы не потерпим. Вы знаете, что ожидает вас в таком случае. Тогда пеняйте на себя...

— Я все обдумал

Американец повернулся к Джаксону и отдал приказание по-английски.

21 января в точно назначенный Джаксоном срок Рэм явился в условленное место. Там его уже ждал Мюллер на автомашине № 6—С—49—050. Машина покинула пределы Мюнхена, и скоро Рэм понял, что они едут во Франкфурт-на-Майне. Короткая остановка на конспиративной квартире на Фрауенштайнштрассе, 4, встреча с незнакомым американцем. Затем все трое отправились на аэродром в Висбаден. Здесь готовился в дальний рейс огромный четырехмоторный воздушный корабль. На фюзеляже отчетливо выделялся номер: 05533. Мюллер и еще двое незнакомых Рэму американцев вместе с ним поднялись по трапу в кабину. Зарычали моторы. Самолет плавно оторвался от земли и взял курс на Запад. Он увозил Рэма Мороза в Соединенные Штаты Америки.

(Окончание следует)

Р. Мороз (слева) на работе в совхозе

Точеная игрушка

Доктор Айболит — герой популярной сказки К. Чуковского, дед-снеговик, забавная собачка, мальчик, основательно закутанный от зимней непогоды, подтянуто-строгий суворовец, первоклассница с торчащими косичками — всех их создали из дерева работники старейшего в стране Высшего художественно-промышленного училища (бывшее Строгановское) И. Гильтер и Б. Нешумов.

Деревянные точеные игрушки имеют большую историю — традиционные резные копилки, зверюшки, матрешки, ваньки-встаньки, шары издавна заполняли у нас ярмарочные лотки. Их покупали и в подарок детям, и для украшения комнат, приобретали как сувениры. Правда, в последнее время многие точеные игрушки исчезли из продажи, стала даже забываться эта старинная манера обработки дерева. И поэтому особенно привлекают изделия, выполненные двумя художниками. Эти работы должны заинтересовать художественную промышленность, которая имеет все возможности изготовлять такие дешевые и веселые игрушки.

Н. АНДРЕЕВА

Прелестная леди

Рассказ

Уолтер МЭККИН

Неподалеку от приморского местечка, где мы живем, между материком и островом, который находится от нас в четырех милях, тянется большая песчаная отмель. Песчаная отмель лежит между материком и островом. Во время прилива вода покрывает ее, но не намного. Песок на ней очень твердый. Идти по нему почти то же самое, что идти по бетонированной дороге: такой он твердый, — и по этой причине мы каждый год устраиваем на отмели скачки.

На наши скачки записывают лошадей со всей провинции, но очень редко бывает, что главный приз достается не нашей лошади. Мы считаем, что было бы очень несправедливо, если бы не наша лошадь выиграла главный приз, поэтому мы, члены комитета (те кто устанавливает гандикап для лошадей), делаем все, чтобы приз получил и хороший здешний человек и его лошадь. У нас бывает специальная скачка для посторонних, и ее может выигрывать кто угодно, поскольку главная скачка и золотой кубок остаются за нами.

Все приехавшие на скачки прекрасно проводят время, потому что мы очень гостеприимный народ, и все с нетерпением ждут следующего года, чтобы снова приехать к нам.

Мы знаем, что во всем мире на скачках процветает жульничество. Даже на самых больших, знаменитых скачках бывает жульничество, мы об этом читаем иногда в газетах. Некоторые субъекты подменивают лошадей, и устраивают всякие махинации с букмэкерами, и дают лошадям опий и другие наркотики и еще черт знает что. Мы все это прекрасно знаем, поэтому наши скачки проводятся всегда очень честно. Приезжие единственно жалуются на то, что почти всегда можно сказать заранее, какая лошадь у нас выиграет, но ведь приезжие всегда находят повод для жалоб, даже когда все обстоит безупречно.

Я, безусловно, доверяю нашим скачкам и нашему комитету: все это хорошие, порядочные здешние жители — деловые люди, фермеры и так далее, — и если случается, что они слегка жульничают в своем собственном деле, так кто этого не делает? Что же касается наших скачек, так здесь они всегда поступают честно и правильно, и я могу присягнуть, что знаю один-единственный случай, когда был допущен нечестный подход.

Это случилось в прошлом году с Прелестной леди, потому-то я и регистрирую этот случай: я секретарь и казначей комитета (почетный).

Этого никогда не случилось бы, если бы наш почетный председатель не поехал и не купил бы себе скаковую лошадь. Ему случилось продавать скот на ярмарке в большом городе, и там он увидал вороного жеребца, и ему уже ничего не надо было, как только купить этого жеребца, привести его домой и начать готовить к скачке на золотой кубок. Никто не знал, зачем ему это понадобилось. Сомневаюсь, знал ли он сам. Можно подумать, что ему хватило бы забот с комитетом, так нет, ему еще нужно было купить вороного жеребца. Просто ему попала вожжа под хвост, вот и все, и не успели мы оглянуться, как он уже был на отмели во время отлива и его младший сын уже сидел на жеребце верхом и носился на нем взад и вперед как одержимый.

Естественно, мы начинаем приставать к нему с расспросами: что он затеял? У него глаза горят ярким пламенем.

— Перед вами, — говорит он — победитель скачки на золотой кубок этого года.

Мы говорим:

— Послушай, мы не знаем, что ты забрал себе в голову, но ведь ты-то должен знать лучше, чем кто-либо другой, что выиграет эту скачку Прелестная леди Богина, потому что вот уже восемь лет равной ей не было в наших местах.

Это чудная кобылка, принадлежавшая Богину. Этого Богина все очень любят. Он такой крошечный-крошечный человечек, и жена у него крошечная, и четверо детей, крошечнее которых вы вряд ли видели когда-нибудь в своей жизни. Он всегда сам скачет на Прелестной леди. Верхом он похож на мальчика, и сразу догадываешься, что он растит целое поколение жокеев из своих крошечных детей. Но не всегда у них будет Прелестная леди.

Тэрбот — местный торговец рыбой — и я указываем почетному председателю на все это, но он надувается и говорит:

— Этот вороной жеребец лучше Прелестной леди по всем статям, и если есть люди, которые с этим не согласны, так им не воспрещается иметь свое мнение, а я за него ставлю два против одного.

— Иду на десять фунтов! — поспешно заявляет Тэрбот.

И что мне остается делать, как не сказать:

— И я иду на десять!

Строго говоря, по закону мы не имеем права этого делать, потому что существует правило: члены комитета не должны заключать денежных пари на скачках. Но что такое закон, если уж на то пошло?

Мы расстались с почетным председателем, Тэрбот и я ушли вместе, и Тэрбот потирал руки:

— Черт возьми, почетный секретарь, легче, чем сейчас, мы еще никогда не зарабатывали денег! Я присматривался к его вороному жеребцу. Хоть он и очень резв, но богиновская Прелестная леди обставит его, даже не взмокнув.

— Все это так, — сказал я, но, зная почетного председателя, как я его знаю, уже пожалел, что поторопился раскрыть свою глотку. — Ведь Прелестная леди должна будет давать фору, раз она выиграла в прошлом году. Вороной получит от нее ярдов пять. Что ты скажешь на это?

— Это ничего не значит, — ответил Тэрбот. —

Уолтер Мэккин — современный ирландский писатель, актер и режис[illegible]ер Ра[illegible]сказ «Преле[illegible]ная леди» входит в его книг[illegible]ены[illegible] Уолтер Мэккин [illegible] Луну», «Я один» [illegible] и [illegible]тель болот».

Хоть двадцать, все равно он не сможет выиграть. Прелестная леди ему покажет!

Все же спокоен я не был. Я знаю почетного председателя. Он хороший человек, но он преуспевает в делах, а в делах не преуспевают люди, швыряющиеся десятифунтовыми бумажками.

Но в спешке и суматохе приготовлений к скачкам, составляя письма, выпрашивая средства и так далее, я был очень занят, и все это совершенно выскочило у меня из головы, пока накануне скачек ко мне на работу не пришел очень взволнованный Тэрбот.

— Идем со мной, и как можно скорее! — сказал он.— Я услышал ужасную новость! Говорят, что Богин запряг Прелестную леди в телегу и возит на ней торф из болота.

— Нет, нет! — говорю я.— Во всяком случае, не накануне скачек! Да ведь Богин чуть что не укладывает Прелестную леди в свою собственную кровать за неделю до скачек! Небольшая проминка по дорожке, больше ничего.

Тэрбот говорит:

— Ну, на этот раз не так! Пойдем и посмотрим, в чем дело, иначе из этого может получиться большой скандал.

Богин жил довольно далеко от нас всех — на дороге, которая вела к самой вершине крутой горы позади озера. Мы почти выбились из сил, пока добрались до его дома, несмотря на то, что мы ехали в фургоне Тэрбота.

Миссис Богин посмотрела на нас этакими печальными глазами, когда мы спросили, где ее муж. Глаза у нее были красные, как будто она плакала, и я подумал, что это — дурное предзнаменование, и приготовился распрощаться со своими десятью фунтами Остаток пути мы прошли пешком, и надо сказать, что идти нам было тяжело.

Пройдя мили две вверх по дороге, мы увидели Богина, шагавшего рядом с Прелестной леди, которая с трудом тащила телегу, доверху нагруженную тяжелыми кусками твердого торфа.

Мы возмущенно остановили его.

— Слушай, Богин,— говорит Тэрбот,— я в ужасе, я просто в ужасе!

Богин опустил голову. Прелестная леди обрадовалась передышке. Это было сразу видно. Она была красавица игреневой масти, знаете, вся бурая, а грива и хвост светлые.

Богин маленькой рукой потрепал ее, а она уткнулась мордой ему в ладонь и стала перебирать губами. Лошадь любила Богина, это все знали, как и то, что он был к ней очень привязан.

— Я бы никогда этому не поверил,— сказал Тэрбот.— Честное слово, Богин! Чтобы такой человек, как ты, так поступил с хрупкой скаковой лошадью! Что на тебя нашло? Что тебя толкнуло на такую ненужную жестокость?

Я понимал, что Тэрбот тоже очень беспокоится за свои десять фунтов.

Богин оставил лошадь, пошел к пригорку на краю дороги и уселся на него. Потом он снял кепку и вытер ею все лицо. Он снова надел ее и только тогда заговорил.

— Несчастный я человек! — сказал Богин.— Никогда не думал, что доживу до такого дня. Но что я мог сделать? Ничего другого я не мог сделать.

— Но почему, дружище, почему? Скажи нам, почему?— настаивал Тэрбот.

— Ну, хорошо,— ответил Богин.— Вы же знаете, что почетный председатель купил вороного жеребца.

— Да,— подтвердил Тэрбот.

— Ну, так вот,— продолжал Богин.— Почетный председатель пришел ко мне. Вы знаете, что он держит магазин, и вы знаете, что многие из нас берут у него в долг. Я до сих пор еще должен ему за прошлогодние искусственные удобрения и разные там другие вещи, за которые обычно расплачиваюсь позже, когда урожай поспеет и мы его соберем. Вы это знаете?

— Предположим, что знаю,— сказал Тэрбот.

Я стоял рядом с Богином у края дороги и готовился распрощаться со своими денежками.

— Кроме того,— говорил Богин,— я арендую у него три акра пахотной земли. Вы ведь знаете? Так вот, если он приходит ко мне и признается, как жалко ему будет, если его лошадь не выиграет золотого кубка, что я могу сделать? Я сказал, что сниму Прелестную леди, но он заметил, что это будет плохо выглядеть и что будет лучше, если за несколько дней до скачек я заставлю ее хорошень?о потрудиться, так, чтобы она не была в форме, и что тогда все останется по-старому.

— Пусть бог смилостивится над этим сукиным сыном! — сказал Тэрбот, подходя к нам.

После этого, однако, он не просил бога смилостивиться над почетным председателем, а отчаянно поносил его на двух языках.

— Я вроде не расстраивался бы,— сказал Богин,— но она понимает. Она понимает — это так же верно, как то, что вы здесь стоите. Я готов присягнуть в этом! Я боюсь смотреть ей в глаза, до того мне стыдно. Вот как! Прелестная леди, может, и простит меня, да я-то себе не прощу, хотя бы я прожил до ста лет. Но что мне оставалось делать? У меня жена и четверо детей.

Тэрбот пришел в страшную ярость. Он стоял и расшвыривал ногой камни вокруг. Потом он остановился перед поникшей Леди и посмотрел на нее.

— Богин,— сказал он,— ты заставил ее здорово поработать? А?

— Она увлекается,— ответил Богин.— В томто и беда с ней. Она слишком увлекается. Если уж она начнет,— ее не остановишь.

— Богин,— сказал Тэрбот,— эта лошадь действительно хороша?

— Она лучшая лошадь во всем свете,— подтвердил Богин. Он сказал это очень просто.

— Слушай,— сказал Тэрбот,— ты хочешь вверить этой лошади все свое будущее?

— Как?— спросил Богин.

— Мы можем устроить хорошую штуку. Теперь уже все знают, что золотой кубок должен выиграть вороной жеребец. Что, если мы соберем все деньги, какие только сумеем достать? Мы получим четыре за один. У нас есть шанс сорвать неслыханный в истории спорта куш. Мы поработаем над Прелестной леди весь остаток дня сегодня, всю ночь и все утро. Мы заставим ее выиграть эти скачки, несмотря ни на что, и мы получим за это столько, что почетному председателю останется только провалиться ко всем чертям. Ты сможешь заплатить ему все долги, а на следующий год арендовать другую землю. Ну, что ты на это скажешь?

— О, как бы я этого хотел! — ответил Богин.— Но ты только посмотри на нее. Я погубил ее! Я совершенно измучил ее! От нее просто ничего не осталось.

— Посмотрим,— сказал Тэрбот.— Я никому не позволю так шутить со мной. Подлый мошенник! Пойти на такую штуку! Она выиграет завтра эти проклятые скачки, даже если мне придется бежать самому и нести ее на плечах.

И он принялся распрягать Прелестную леди.

События, которые произошли вслед за этим, были поистине историческими. Мы отвели Прелестную леди назад в ее конюшню, и там Тэрбот и Богин сняли куртки и стали растирать ее летучей мазью, а я взял фургон и поехал вниз в одно место и купил там овса и виски, хорошего виски, десятилетнего. Затем я потихоньку вернулся назад со всем этим. Овес подогрели, немного виски дали Прелестной леди выпить, так что она слегка опьянела и прилегла, а остальное виски стали втирать ей в мускулы и другие места, куда нужно. Потом ее подняли и начали осторожно прогуливать, а я снова отправился вниз.

Я встретил почетного председателя. Он был очень весел. Я же принял невинный вид, как будто бы во всем свете я один не знал, что исход скачек уже был предрешен. Он сказал мне:

— Ну, что же, Джо, как насчет десяти фунтов? Заплатишь сейчас или подождешь до завтра?

— Эх ты, несчастный простак! — сказал я.— Завтра Богин заставит эту лошадь нестись быстрее молнии. Прелестная леди обойдет твоего вороного, даже если будет бежать задом наперед.

Из этого он понял, что я не знаю того, что знали все остальные, и сказал:

— Ну, если ты так думаешь, поставь на нее.

И я сделал вид, что очень взволновался, и, прежде чем мы успели опомниться, я уже заключил с ним при свидетелях пари на сто фунтов, один против четырех.

Потом я пошел домой и стал молиться, чтобы Прелестная леди не превратила нас всех в банкротов и чтобы Тэрбота убило молнией, если он напрасно сбил меня с толку.

День занялся превосходный. Чудный день! Ясно-голубое небо, и на нем солнце, освещающее своими лучами песчаную отмель. Были построены трибуны с цветными тентами, и народ буквально отовсюду собрался на них. И букмэкеры тоже были там — те два, что вообще приезжали всегда. Они были ужасно осторожны, потому что многим не доверяли, и для того, чтобы выиграть один или два фунта, нужно было поставить тысячу.

Прошли две первые скачки, их выиграли фавориты, а потом подошел золотой кубок, и почетный председатель, негодяй, сиял и улыбался, как будто был честным человеком, и его вороной жеребец лоснился на солнце. Потом появилась Прелестная леди, но она не лоснилась. У нее был очень несчастный вид, и шерсть ее была совсем тусклой.

— Это потому,— сказал Тэрбот,— что всю ночь работали над ней, а потом натерли всю ее пылью и чистили щеткой против шерсти.

Богин, сидевший на лошади, заставил ее опустить голову, как будто бы под тяжестью бури, докатившейся из Исландии, и все присутствующие смотрели на нее, и кивали, и хмыкали, и переглядывались, и посматривали друг на друга, и подмигивали, и пытались поставить на вороного шиллинг или два.

На Прелестную леди не поставил никто, кроме меня, а я сделал это с самым невинным видом, но сам молился в душе, как безумный, и все же нам удалось заключить еще пари с нашими ребятами на пятьдесят фунтов, по одному против шести, и я думал: «Ну, что же, если наша затея провалится, придется удирать за границу».

Так вот. Нужно отдать должное Прелестной леди. За все то время, что существуют наши скачки; никогда еще не было лошади, подобной ей. Она так неслась, что казалось, она стелется по песку. Конечно, она чуть-чуть не проиграла скачки,— как же иначе после всего того, что случилось? Но она выиграла на голову, на полголовы. В этом не могло быть сомнения. Я был просто в восторге от того, что сделали с Прелестной леди Богин и Тэрбот.

Я наслаждался выражением лица почетного председателя. За то, чтобы посмотреть на лицо почетного председателя, не жалко было бы просидеть три года в тюрьме.

Одна только беда: Прелестной леди победа далась очень трудно. Позднее, когда я понес Богину причитавшуюся ему крупную сумму, я не смог передать деньги ему. Мне пришлось передать их миссис Богин, потому что лошадь лежала в конюшне на соломе, а Богин сидел, скрючившись над ней, и плакал, как ребенок.

Но, в общем, все сошло замечательно. Просто замечательно, как мы с Тэрботом перехитрили почетного председателя! Но он настоящий спортсмен. Он признался во всем позже, после того, как мы согласились, что в будущем году золотой кубок выиграет его вороной жеребец (мы согласились, когда узнали, что Прелестная леди пала).

К этому событию мы сейчас и готовимся, и имейте в виду, что этот вороной — прекрасный жеребец. Беда только в том, что у него совершенно не будет достойных соперников и сделать на нем деньги невозможно, но, во всяком случае, история золотого кубка прошлого года теперь записана

Мы все надеемся, что Богин переживет потерю своей лошади. Ведь как бы то ни было, лошадь всего лишь лошадь, и со стороны Богина очень глупо так убиваться над простым животным, да еще вроде как обвинять Тэрбота и меня за то, что мы сделали ему такое одолжение. И мы надеемся, что, хотя он и клянется, что больше никогда в жизни не сядет верхом на лошадь, он говорит это просто так. Скачки без Богина — это уже совсем не то, что было раньше. Но такова уж человеческая натура. Он одумается. Ведь как-никак наши скачки — важное событие.

Перевела с английского
В ЕФАНОВА.

За кулисами на премьере

Репортаж
И. Вершининой и О. Кнорринга

Премьера! Завидев это слово на афише, зритель устремляется в театр. Премьера — это новые актерские имена, новые сценические образы, новые творческие удачи. Премьера — это день рождения спектакля. Сколько мечтаний и надежд в театре связано с нынешним вечером, сколько неустанных трудов, волнений, сомнений предшествовало ему!

Сегодня произойдет та встреча, к которой театр готовился многие месяцы. И вот теперь... Впрочем, что происходит «теперь» за кулисами театра, мы решили показать нашему читателю. Для этого мы отправились за кулисы Московского театра оперетты в тот день, когда впервые шла на его сцене новая оперетта композитора Ю. Милютина и драматурга Е. Шатуновского — «Поцелуй Чаниты».

Людно за кулисами. Налицо почти весь ведущий состав труппы, и каждый так взволнован, что кажется, именно от него зависит спектакль. Все говорят разом, и не только говорят, но поют, танцуют, разминаются у станка. Среди ярких испанских костюмов, нарядных туалетов виднеются темные халаты костюмеров, на ходу пытающихся еще что-то подправить; в белых халатах гримеры с пудрой, лигнином и гримом в руках. Постановщики Галина Шаховская и Сергей Штейн и художник по костюму Татьяна Луговская торопятся дать последние указания исполнителям.

← В спектакле главные роли предоставлены молодым актерам Их старшие товарищи пришли «поболеть» за них. В полумраке кулис идет «передача наследства»: народный артист РСФСР Г. М. Ярон поверяет Владимиру Шишкину свои актерские секреты.

→ «Главный распорядитель» вечера — Зинаида Терентьевна Семеновых. Ей во время спектакля подчинена вся жизнь за кулисами и на сцене. Многое должен предусмотреть помощник режиссера. Но попробуй учесть все во время премьеры! Вот и сейчас, перед самым выходом на сцену, актер Г. Заичкин уверяет, что башмак ужасно мал.

«Мамочка! Не волнуйся. Все прошло благополучно,— сообщает домой Ирина Муштакова, исполнительница роли Анжелы — певицы из бара.— После дуэта обязательно позвоню опять». И, положив трубку, девушка смущенно поясняет нам: «Мама у меня ужасно волнуется. Уж как она противилась моему поступлению в театральный институт, а теперь за каждую новую роль, за каждую сцену переживает еще больше, чем я».

Каждый выражает волнение по-своему. Рабочие сцены говорят, что сегодня в три раза больше, чем всегда, насыпали канифоли, которой перед танцем покрывают подошвы туфель артисты. Но балет требует еще и еще...

Взволнованы и более опытные исполнители. Елена Федоровна Савицкая старается преодолеть волнение...

В антракте к Юрию Богданову, который сегодня дебютирует, пришли за кулисы «земляки» — сталинградцы. В Сталинграде Богданов в 1951 году после театральной школы начинал свой творческий путь. Здесь он получил звание заслуженного артиста республики. Здесь о член партии, вел большую общественную работу.

Секретарь Сталинского райкома партии Николай Александрович Морозов, который сейчас находится в Москве, пришел вместе с женой поздравить Богданова с новым успехом.

Сегодня дебютирует в спектакле не только Богданов. Главный режиссер Театра оперетты В. А. Канделаки в этом спектакле принимает участие как исполнитель. Тем не менее каждую минуту пребывания за кулисами Владимир Аркадьевич использует для того, чтобы помочь своим молодым партнерам, посоветовать, подбодрить. Справа — Анна Котова.

Окончился спектакль, но у рабочих сцены страдная пора еще в разгаре.

Подолгу не расходятся и актеры: на сцене, за кулисами, в гримерных обсуждают сегодняшний спектакль — успехи и недостатки. Молодую исполнительницу заглавной роли Татьяну Шмыгу «допрашивает» корреспондент.

— Какой у вас самый замечательный день в этом году?

— Самый замечательный?.. Ну, конечно, сегодняшний! Ведь у нас сегодня премьера!..

ФИЛЬМ О ПЕВЦЕ

Сцена в порту. Гариб — народный артист СССР Г. Нерсесян, старый рыбак — С Зардарян, Карен — заслуженный артист Армянской ССР А. Айдинян.

Клубы табачного дыма окутывают портовую таверну. Снуют среди столиков официанты. Склонившись над кружками с вином, слушают матросы слепого певца, аккомпанирующего себе на гитаре. Он поет грустную песню о любимой, которая далеко. Просветлели лица матросов: все сейчас вспомнили дом и тех, кого любят.

Это кадр из нового музыкального фильма «Сердце поет». Картина — рассказ о судьбе талантливого армянского певца Карена — создана молодежью Ереванской киностудии художественных фильмов. Карен ослеп в детские годы. В его памяти от живого мира остались море, подружка Сона и мечта иметь гитару, точно такую, какую он видел у проезжего итальянца.

Прошло время. Струны гитары перебирают уже не руки мальчика,— на ней виртуозно играет красивый слепой юноша, поющий в портовой таверне.

Далее фильм рассказывает о том, как многое изменилось в судьбе бывших друзей — отца Карена и отца Соны. Когда-то они вместе приехали в этот чужой город, спасаясь от кровавой резни, вместе хотели начать маленькое дело. Но отец Карена истратил сбережения на лечение сына, а его друг, отец Соны, разбогател. Сона училась в Париже, в консерватории, а Карен из милости пел в одной из таверн ее отца. Старик теперь и слышать не хотел о любви своей дочери и бедного певца.

Однажды город облетела радостная весть: армянам разрешили вернуться на родину. Вместе со своим отцом Карен уезжает в Армению. Новая жизнь началась для юноши на родине. Ему сделали операцию, вернули зрение. Он окончил консерваторию и стал признанным певцом.

И вот Карен и Сона наконец встречаются: разными путями добираются они на Всемирный фестиваль молодежи...

Создавая сценарий этого фильма, молодой драматург Маро Ерзинкян использовала факты биографии известного армянского певца Артура Айдиняна. Молодой армянский кинорежиссер Григорий Мелик-Авакян увлекся замыслом сценария. Решено было работать в содружестве. Исполнителем главной роли пригласили Артура Айдиняна. Правда, были сомнения: сумеет ли певец справиться с созданием на экране правдивого образа? Те же мысли волновали и самого Айдиняна. Но задача во многом облегчалась тем, что певец был прообразом своего героя. Поэтому, исполняя многие сцены в фильме, Айдинян не столько играл, сколько переживал уже однажды им пережитое. И все же в своей работе он столкнулся с большими трудностями. Игра перед киноаппаратом, фиксирующим все оттенки актерской мимики и жестов, требовала предельной выразительности.

В. ЧЕРНЫХ

Карен — Артур Айдинян.

Планер Лилиенталя

Научно-мемориальный музей Н. Е. Жуковского пополнился интересным экспонатом: планером Отто Лилиенталя, подаренным им в 1895 году Николаю Егоровичу Жуковскому.

Планер состоит из неподвижных крыльев, сделанных из ивовых прутьев, обтянутых парусиной и обращенных книзу вогнутой стороной.

Весь аппарат весит около 20 килограммов и свободно держится на руках, продеваемых до плеч в отверстия, сделанные в передней части планера. Размах крыльев — около 7 метров, ширина — 2,5 метра.

Первые опыты парения на планере по воздуху Лилиенталь сделал в 1893 году.

Планер, подаренный Н. Е. Жуковскому, сначала находился в Московском университете, позднее — в МВТУ.

В музее Н. Е. Жуковского планер реставрирован.

В. МАСЛОВ,
директор музея.

Между прочим

ЧЬИ СТИХИ!

Мистер Филдс, бостонский издатель, обладал необыкновенной памятью. Он настолько хорошо знал английскую литературу, что когда его друзьям требовалось узнать, где можно отыскать ту или иную выдержку из произведения какого-нибудь английского писателя, они всегда обращались только к мистеру Филдсу.

Один остроумец, желая посмеяться над издателем, в присутствии большого числа гостей на званом обеде сообщил своим друзьям — до прибытия на обед мистера Филдса,— что он всего час назад написал несколько стихотворных строк, которые намерен представить издателю как стихи Саути и спросить его, в каком из произведений этого поэта они встречаются.

Когда гости уселись, он сказал:

— Мистер Филдс, за последнее время я много потрудился, отыскивая в стихах Саути следующие строки.— Он прочел вслух сочиненные им стихи.— Не можете ли вы сказать, когда они были написаны и в каком произведении поэта их можно отыскать?

— Не помню, чтобы я встречался с этими стихами раньше,— ответил издатель.— Но в жизни Саути было лишь два периода, когда эти стихи могли быть написаны им.

— Когда же именно? — спросил претендент на остроумие.

— В тот ранний период жизни поэта,— сказал мистер Филдс,— когда у него была корь или прорезывались первые зубы, или же на склоне его жизни, когда он страдал размягчением мозга. Стихосложение относится к периоду кори, а идея, заложенная в стихах, указывает на период идиотизма.

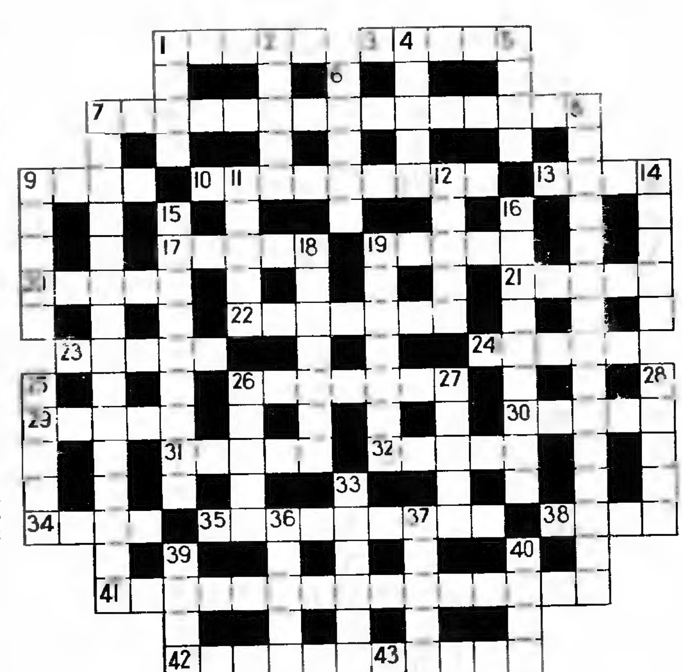
Все покатились со смеху.

Из английского сборника «Остроумие и мудрость» [illegible]

ДОМАШНИЙ УЮТ

Рис. Ю. Черепанова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. [illegible]ая рыба семейства тресковых. 3. Одна из фаз [illegible] уровня [illegible] моря. [illegible] нефти [illegible] 17. Род [illegible] 20. [illegible] единица. [illegible] 41. [illegible] 43. [illegible]ьные [illegible]

По вертикали:

1. Непромокаемое пальто. 2. Польский [illegible] 4. [illegible] 7 [illegible] машин, сооружений. 9. Г[illegible] территория в [illegible] на Ближнем Востоке. 14. Снежная [illegible] «[illegible]ы». 16. Уч[illegible]ние. 18. [illegible] в [illegible] северной [illegible] 26. [illegible] трагик. 26. [illegible] 28. Р[illegible] горн[illegible] 3[illegible]. Народность, живущая на [illegible] административно-территориальн[illegible] Европы. [illegible] единица [illegible] государства Латинской Америки. 40. Горы в Южной Америке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

1. Сплит. 8. Вертикал. 9. Турухтан. 10. Селе[illegible]ионер. 12. Осетр. 13. Та[illegible]а. 14. К[illegible]г. 18. Оппонент. 1[illegible]. [illegible]ина. [illegible] Фабрикат. [illegible]. Державин. 2[illegible]. Травер[illegible]. 27. Тацит. [illegible]. Юн[illegible] [illegible]. Тангенсоида. 31. Политура. 32. Конфликт. [illegible]. Гарна[illegible]

По вертикали:

2. Поликлет. [illegible]. Интуиция. 4. Перископ. 5. Фидер. 6. Рулет. 7. Нагасаки. 10. Стронциани[illegible]. 11. Раскряжевка. 14. К[illegible]. 15. Гралекс. 16. Корфу. 17. [illegible]ашня. 21. Батал[illegible]н. 23. В[illegible]кладки. 24. Запевала. 25. Лексикон. 28. Тафта. 29. «Юдифь».

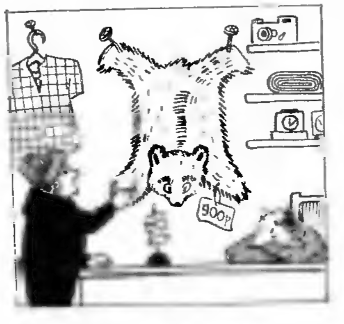
Первый день в зоопарке

Черепаха: — Не горюй, выше голову!..

Изошутка М. Ушаца и К. Невлера.

В КОМИССИОННОМ МАГАЗИНЕ

← — А это чистая шерсть?

Рис. М. Ушаца и К. Невлера.

ОТВЕТ НА «ПРОСТУЮ ЗАДАЧУ» (№ 3)

2 — простое, хотя и четное, первоначальное число четного ряда.

На вкладках этого номера четыре страницы репродукций картин М. Врубеля и четыре страницы цветных фотографий

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Оформление И. Уразова.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

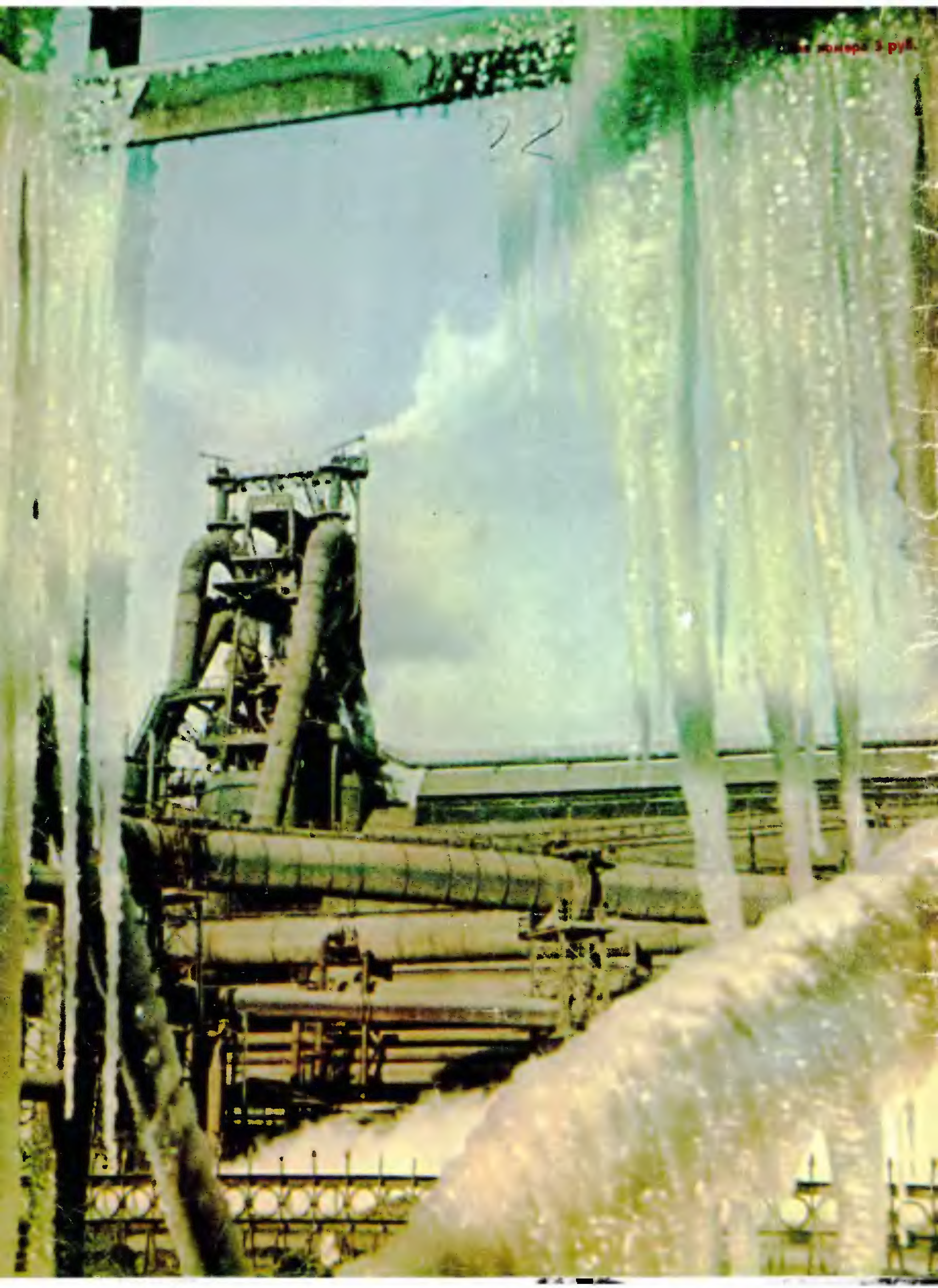
Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-[illegible]-63; Искусств — Д [illegible]-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-3[illegible]-26; Науки и техники — Д 3-[illegible]; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д [illegible]

А [illegible] Подписано к печати [illegible] Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 [illegible] 000 Изд. № [illegible] Заказ № 62

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Чайные плантации под снежным покровом. Грузинская ССР.
Фото П. Луценко (ТАСС).

номера 3 руб.